

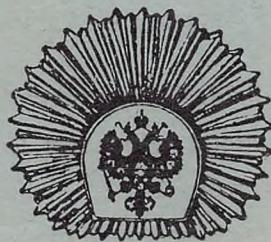
№ 55

Июль 1962 год

ГОД ИЗДАНИЯ 11-Й

СОЕДИНЕННЫЕ СОСТАВЫ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

ЛЕЙБ-ДРАГУНЫ, с прискорбием извещают о кончине их боевого товарища и друга штабс-ротмистра и польской службы генерала

Сергея Антоновича Загорского

последовавшей в Лондоне 6 июня сего года.

СОДЕРЖАНИЕ:

Павловцы в Великую Войну (1914 год) оконч. А. Редькин	1
Русски Легион Чести (оконч.) — В. Васильев	6
Первый Кадетский Корпус (оконч.) — А. Ветлиц	12
Русское холодное оружие XIX века — Е. Молло	17
30 июля 1915 года — Леонид Павлов	33
Картина — В. Хитрово	35
Из воспоминаний об одной дальней разведке — В. Кочубей	36
Нагрудный знак для защитников Порт-Артура — А. М.	42
Капитан Константин Сегеевия Попов — Алексей Геринг	43
Обзор военной печати — Г. Месняев	44
К статье «Гибель «Пересвета» кап. I р. Иванова-Тринадцатого — В. В. Беллин	
По поводу статьи Е. Молло «Гренадерки» — Тихон Николаевич Куликовский	
Письмо в Редакцию — полковник М. Микулинский	45
Систематический Указатель журнала «Военная Быль»	
№№ 31 - 50 (оконч.) — Е. Л. Янковский	46
Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом (продол.) — Алексей Геринг	47

Подписная цена во Франции 15 нов. фр. с перес., в Германии 12 марок, в Англии и Австралии — отд. № 5 шил., год подп. — 25 шил., в Сев. Америк. Соедин. Штатах — отд. № 80 ц., год. подп. — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку по Издательству направлять по адресу Редакции: 61, rue Chardon -
Lagache. Paris 16^e

Почтовый Счет: «Le Passé Militaire» 3910 — 12 Paris

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

11-й год издания

№ 55 ИЮЛЬ 1962 Г.

BIMESTRIEL. Prix — 2,50 NF

Павловцы в Великую войну

ПЕРВЫЙ БОЙ ПОЛКА (1914 г.)

(Окончание)

Часов около 9-10, при полной темноте и тишине, командиры батальона и рот были вызваны к командиру 1-й бригады генералу Киселевскому.

— Господа, все собрались?

— Так точно, Ваше Превосходительство, все.

— Ну, вот в чем дело: Гренадерский корпус, на предложение взять этот участок, ответил, что, будучи сильно потрепанным в предыдущих боях и имея большую убыль в офицерском и солдатском составе, да к тому же сильно разбавленный запасными, за успех не ручается. — Поэтому дело это предоставлено гвардии. Участок, занимаемый австрийцами, состоит из двух рядов окопов, окопы расходятся под прямым углом от фольварка Зигмунтов, а за фольварком холм, сильно укрепленный и оплетенный проволокой, за ним в лощине деревня Издебно. Две батареи, нас обстреливавшие, замолчали, не то ушли, не то переменили позиции. Роты Павловцев будут разведены проводниками от Московского полка и в 12 часов двинутся в атаку. Надеюсь, что гвардия себя оправдает.

Разошлись мы по своим ротам, вызвали фельдфебелей и взводных, рассказали им в чём дело и стали ждать 12-ти часов. Я лег на австрийскую шинель, приказавши, чтобы люди тоже легли и отдохнули. Съел две австрийских галеты и запил холодным чаем. Незаметно заснул. Сквозь дремоту услыхал: «где здесь ротный командир?».

— А на что тебе?

— Связь от Московского полка, дорогу показать.

Встал, рота уже поднялась и справа рядами пошли мы по дну оврага. Местами кусты так низко росли, что задевали ветвями головы идущих людей. Временами шлепали не то по ручью, не то по лужам: под ногами хлюпала вода. Ветер разогнал тучи, обрывки которых быстро неслись по небу, и проглядывавшая временами луна освещала местность. Овраг расширился. Справа, по крутыму берегу, росли кусты, слева совершенно чистое место полого поднималось, образовывая лужайку, где темнело пятно лежавшей Московской роты.

Пока моя рота подтягивалась и строилась в полуротную колонну, я подошел к командиру Московской роты.

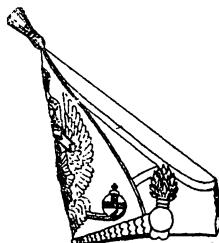
— Пойдемте немного вперед, я покажу вам участок, который вы должны атаковать, — сказал он.

Поднялись и пошли. Луна временами освещала отдельно стоявшее дерево, большой сарай, небольшой белый домик и опять сараи. Оба сарай были обращены открытыми воротами в нашу сторону. Это был фольварк Зигмунтов. До него было шагов самое большое 250-300, не более.

— Ну вот, видите: окопы около дерева и сараев заняты австрийцами. Вы пойдете на домик, сараи и дерево, а вправо, там тоже окопы. Ну, в добрый час.

Я вызвал взводных, показал им направление и цель. Вправо, за Московской ротой, опять поднимался кустарник, там были 5-я и 6-я роты нашего полка, а слева, выступ леса подходил гораздо ближе к противнику и по этому лесу должны были подойти в исходное положение 8-я рота. Москвичи поднялись бесшумно и пошли колонной, принимая вправо.

Так как место позволяло, то рота в широ-

кой полуротной колонне поднялась из оврага и двинулась вперед, держа винтовки у ноги. Шли быстро. Сначала было жнивье, а потом пошло свеже-вспаханное поле и итти стало тяжелей. Луна светила, и все было далеко и ясно видно. Светила она слева и сзади. Прошли еще несколько десятков шагов. Как вдруг впереди окол сараев раздался крик, сейчас же щелкнули один за другим несколько выстрелов, защептал ружейный огонь и застучал «шварц-лэз». Рота сразу легла.

Что делать? Если оставить роту лежать, потом поднять ее будет трудно, рассыпать в цепь под носом противника бессмысленно, только лишние потери. Противник был так близко, что оставалось только ударить в штыки.

— Рота, встать, за мной, ура.

Вынув шашку, побежал к дереву. За мной раздался шум бегущих и рев «ура». Оглянувшись на бегу, увидел, что вся рота в 4-х шереженном строю по-полуротно, схватив винтовки на руку, бежала за мной. Откинувшись назад, повалился солдат неподалеку от меня, дальше ткнулся головой вперед еще один и еще повалились. Но вот и дерево, какая-то канава, из которой блистали выстрелы.. Перескочил с разбега окоп и сразу стал за дерево. Рота набежала и началась расправа: крик, стоны, ругань, выстрелы, удары прикладами.

— Чего смотришь? коли его.

— Ей, вылези что-ли, не упирайся, Семенов, дай ему по морде чтобы поторопился.

— Где взводный? Куда ахвицеров вести, чтоб не поутекали?

— Держи, держи его, дай ему!

— Ой, братцы, помогите, в ногу окаянный вдарил!

— Проше пана до неволи.

— А здоровый бугай, едва с ним справился...

— Господин фельдфебель, куда тащить его? Больно тяжелый, ей, подсоби, ребята.

— Гони всех пленных назад, чтобы здесь не путались, там пересчитаем.

— Фельдшера позовите сюда, перевязать надоть...

— Да кого перевязывать-то?

— Да ихний командир, штыками его наши ребята попортили.

— А наши где? — потащили кого назад, а кто и сам пошел.

— Вон там три лежат, да не признаю, из запасных.

— Ах ты, Господи, да что же это делается?

Стрельба раздавалась со всех сторон. Вынул свисток и засвистал «прекратить стрельбу, друг друга побьете».

Ко мне подбежал младший унтер-офицер Веньяминов: «Ваше Высокоблагородие, до-

звольте спички, я сейчас крышу подожгу, а то зря друг друга побьем, ничего не видно».

Дал ему спичечницу и он, побежав к сараю не смотря на то, что и оттуда стреляли, поджог его соломянную крышу. Солома быстро захватилась, и факел огня поднялся и стал быстро разростаться. Какая то фигура подбежала ко мне и повалилась в ноги: «пане, не бий» — австрийский солдат из галичан. Стоявшие рядом связные Кандауров и Старостин взяли у него винтовку, а один из солдат 1-го взвода, взяв за руки, потащил его к строившимся за окопом пленным.

От пожара стало светло. Я вошел в сарай и первое, что увидел — поседланые две лошади: одна серый гунтер, другая караковая. Их держал австриец. Не успел я толком осмотреться, как вбежал в сарай рядовой Надвиков и ткнул штыком австрийца, тот так и повалился. Вбежал еще солдат из молодых Козубенко.

— Козубенко, держи лошадей, да смотри, чтобы их не побили.

— Слухаю, Ваше Высокоблагородие.

Вышел из сарая. Оба связные рядом. «Ваше Высокоблагородие, обходят, турки обходят, вон турки идут».

Действительно, из второй линии окопов, держа винтовки на руку, наступала толпа в серых фесках с кистями, которые мотались на ходу.

«1-й и 2-й взводы сюда», и, обгоняя друг друга, бросились наши солдаты на этих турок, окружили, поднялись приклады, несколько выстрелов в упро, удар штыками, и все кончено. Часть турок бросилась бежать, другие полегли убитыми, часть, человек 15, взято в плен. Это были босанцы 4-го В. Г., иначе говоря, 4-го Босанско-Герцеговинского батальона.

В то время, пока расправлялись с этими «турками», из-за сарая выбежал офицер тоже с саблей и револьвером. Я стоял освещенный пожаром, в золотых погонах с шашкой. Он нацепился на меня, но связные не зевали: увидев его, бросились ему навстречу, желая взять его в плен. Вот тут-то и началась пляска. Поочередно, Кандауров и Старостин наскакивали на него со штыками, а он, угрожая револьвером, от них отскакивал, наконец, он выстрелил и пробил Кандаурову фуражку, тогда Старостин, видя, что дело может окончиться плохо, перевернул винтовку и, размахнувшись, прикладом снес верх головы вместе с феской.

Сарай горел полным огнем. В это время ко мне подбежал подпоручик Московец с криком: «победа, победа», обнял меня и куда-то скрылся. Стрельба справа и слева стихла. Впереди были видны силуэты убегавших австрийцев и, из-за надетых ранцев, их фигуры казались горбатыми.

Я подошел к пленным: длинная шеренга темных фигур в ранцах, на правом фланге два офицера, лейтенанты Шудазек и Покорный, а командира роты капитана Абеля унесли; он был поколот штыками и идти не мог. Приказав фельдфебелю Орлу отправить под конвоем пленных, я с 3 1/2 взводами перешел за вторую линию окопов и на чистом месте построил роту в взводную колонну, подровнял и положил. Только в это время подбежал взвод 9-й роты, ведшей наступление с фронта, с Московским полком. Командир взвода подпоручик Орловский остановил свой взвод и положил его рядом с моей ротой. Никаких указаний, что делать дальше не было. Надо было искать какое-нибудь начальство. Сел на захваченного гунтера и поехал. Навстречу из темноты и дыма выехал командир IV-го батальона полковник Василий Владимирович Смиттен. «Вася, ты куда?».

— Ищу свой батальон, все роты так перепутались. Где наши? Где Московцы? — Ничего не разберешь в темноте. Ну, а ты как?

— Слушай, Вася, тебе, как старшему, доношу, что в 1 час 15 минут точно я взял две линии окопов, пленных офицеров и солдат отправил в тыл. Вот тебе записка. — Он обещал сейчас же прислать связь от командующего полком.

— Да знаешь ли ты, что Владимир Михайлович Романов убит?

— Как же это могло случиться, ведь IV-ой батальон шел за вторым?

— Да, но 5-я и 6-я роты не очистили окопов от австрийцев, а прошли дальше, австрийцы оставались в окопах и, когда IV-й батальон подошел, то начал очищать окопы. Романов подошел к одному окопу и приказал: «Выходите все скорее», кто-то из обалдевших австрийцев выстрелил в него в упор, и бедняга Романов умер минут через пять. Да еще встретил подпоручика Соколова, его вели два солдата, он соскочил в окоп к австрийцам, а те его избили, да так, что и ити не мог.

Проезжая по полю, по которому наступала моя рота, я заметил, что ни раненых, ни убитых уже не было, их успели вынести санитары. Только тела убитых австрийцев наполняли окоп и валялись около горящего сарая.

Вернулся к роте, которая продолжала лежать, видны были оговьки папирос и крученок, шел негромкий разговор, солдаты 9-й роты расспрашивали моих про бой.

— Семенов!

— Чего изволите, Ваше Высокоблагородие? А кому это ты в окопе морду бил?

Рота рассмеялась.

— Дозвольте доолжить, Ваше Высокоблагородие, — вступил в разговор Новоселов, — это

как стали выгонять австрийцев, кто идет сам, кого наши ребята волокут, а один такой толстый все шашкой машет, что-то кричит, приказывает, я его за шиворот взял, тащу из окопа, а он кричит и упирается, да тяжелый, никак не выволочить, увидел я Семенова, он из окопа кого-то высаживал, кричу ему «дай ему по морде», а он то ничего не понимает. Семенов как дасть ему в зубы, так сразу понял, шашку бросил и сам вылез. Так точно, Ваше Высокоблагородие, без ефтай нельзя, что бы не дать, иначе не поймет.

Минут через 15 пришла связь от командира батальона и передано приказание отвести роту к опушке леса. За мной потянулся взвод 9-й роты. У опушки леса стояла 8-я рота и подходили 5-я и 6-я. Адъютант штаба дивизии генерального штаба капитан Кузнецов, командир батальона полковник Яковлев, ротные командиры, связные, все собирались и докладывали о действиях рот и о потерях.

Моя рота потеряла 3 убитых и 10 раненых, из числа которых 4 остались в строю. Взводный 1-го взвода подпрапорщик Васильев был ранен штыком в руку и остался в строю. Один из раненых, молохий солдат Игнатьев, имел кривую шею, отчего голова была всегда на бок, и я был удивлен, что такой урод был принят в гвардию, куда назначались отборные люди. Я тогда же спросил его: «Отчего у тебя кривая шея». «От рождения, Ваше Высокоблагородие». «Да как же ты попал в гвардию?». — Не могу знать, на то воля начальства была». И вот надо же было случится, чтобы пуля, попав в шею, перебила мускул, стягивавший шею. Когда же он после выздоровления вернулся в полк, голова его стояла прямо.

Постепенно стягивались роты остальных батальонов. Глухой, но оживленный говор стоял в ротах: люди делились переживаниями и впечатлениями первого боя. Всегда остаются в памяти впечатления первого боя, они ярки и отчетливы. Потом, когда бои были жестоки, продолжительны, когда роты несли страшные потери, ничто не могло изгладить переживаний первого боя.

Из седельной кобуры захваченного коня я вынул карты, полевую книжку и какую-то переписку и все отдал капитану Кузнецovу. Из опроса пленных выяснилось, что окопы были заняты батальонами 89 и 90 пехотных полков и батальоном 4-го Б. Г. (Босанко-Герцеговинского) и 2-мя батареями. У нас было то же самое количество батальонов — 4 батальона Л. Гв. 2-й артиллерийской бригады.

Капитан Кузнецов объяснил весь маневр прошедшего боя:

Л. Гв. Московский полк, подкрепленный III-м батальоном Л. Гв. Павловского, заняв

опушку леса, выяснил, что перед ним полого поднимавшаяся местность оканчивалась окопами противника, плотно занятymi. До них было 1-1 1/2 тысячи шагов. Наступать в лоб, значило повторять маневр Преображенцев и нести большие потери, а потому было приказано начальником отряда генералом Киселевским: двум батальонам Павловцев с ротой Московцев, которая до этого была в боковой заставе, ударить во фланг и тыл противника. Для вящего успеха атаку произвести ночью.

Позиция австрийцев — окопы шли от фольварка Зигмунтов по возвышенности и были заняты 5-ю батальонами — под прямым углом от Зигмунтов окопы были заняты 2-мя батальонами, сильно укрепленный холм за серединой боевого участка и против фольварка Зигмунтов никем занят не был, на флангах стояли 2 батареи.

Участок, где пришлось действовать Павловцам совместно с Московской ротой был таков; — отдельного дерева и фольварка окопы в линии отходили почти до австрийской батареи; перед окопами слева очень близко подходил лесок, наполненный поленицами дров, дальше, отходя шагов на 250-300 шел овраг, заросший кустарником; дальше овраг отходил от линии окопов шагов на 500-600 и до окопов противника место было ровное без кустов и деревьев.

При начале атаки, левофланговая 8-я рота, благодаря поленицам дров в лесу, поваленным деревьям и кустарнику, не успела выйти к моменту удара; моя рота шла по ровному месту и была обнаружена противником шагах в 100, когда ничего не оставалось делать, как сразу ударить в штыки.

Московская рота, двинувшись правее, должна была пройти шагов 250-300, пока не дошла до австрийцев, а 6-й и 5-й ротам Павловцев пришлось бежать до окопов шагов 400-500. Снова случайно 7-я рота оказалась ближе, первой ударила на противника и захватила фольварок. Удар наших рот во фланг австрийцев угрожал и их тылу, поэтому они и очистили главную линию окопов и отошли за дер. Издебно, оставив хорошо укрепленный холм. Ближайшая австрийская батарея, стоявшая за флангом расположения окопов, с первых же выстрелов наших батарей попала под разрывы шрапнелей и тротиловых гранат и понесла большие потери. Она продолжала стрелять, а с наступлением темноты снялась и на двух уносах вытащила свои пушки.

Уже рассвело. Небо чистое и розовое на востоке. Дым пожара относил в сторону, и он черным столбом поднимался к небу. Все мы стояли на верхушке открыто, толпой, по склону лежали роты. Не удивительно, что все мы были видны и замечены австрийцами. Засту-

чили выстрелы и пули засвистали над нашими головами и между нас. Сразу всех, как ветром, сдуло, роты в порядке сбежали по откосу вниз. А на верхушку уже тащили наши пулеметы. Командир пулеметной роты штабс-капитан Пальчиков, видя происходившее и не ожидая приказаний, решил потушить огонь австрийцев огнем своих пулеметов. Как швейные машины застучали 8 пулеметов, а от нашей опушки рысью выходила казачья лава сотни Оренбургских казаков, вероятно 3-й очереди, так как казаки были пожилые с боордами, с проседью, с деревянными, а не стальными пиками, на горбоносых киргизских конях. Это должно быть была случайно затесавшаяся сотня для связи армейской дивизии, никак не принадлежавшая гвардейскому корпусу.

Разворачиваясь и прибавляя хода, направилась лава на лесок, по которому вел огонь Пальчиков. Пулеметы замолчали, а казаки полным ходом с визгом и гиканьем неслись, сверкая шашками и взяв пики к бою. Раздалось несколько выстрелов и все умолкло, а еще минут через 20 от опушки леса, куда скрылась сотня, показалась небольшая группа пленных австрийцев, которую конвоировали два казака. Подошли поближе. Очень странный вид: пехота, а винтовок нет, ранцы за спинами, а руками австрийцы держат штаны. Это казаки, чтобы пленные не разбежались, поотрезали пуговицы от штанов и порезали ремни, которыми держались штаны. Действительно, никуда в таком виде не побежишь, не потерявши штанов. Простая выдумка, но хитрая.

Подошли Московские батальоны. Пока командающие батальонами совещались, мы, ротные командиры, выясняли, кто ранен, кто убит. Потери были очень небольшие: 3 убитых и 10 раненых.

Командующие полками говорились, и мы с Москвичами густыми цепями пошли на деревню Издебно. Слева большой холм, на нем видны окопы и пулеметные гнезда, все оплетено колючей проволокой. Внизу, у подошвы, большое развесистое дерево. Прислоняясь к нему спиной, сидел раненый смуглый австрийский артиллерист с нашивками и орденами. Рядом лежала сваленная в кучу артиллерийская амуниция, шлеи, цепи, хомуты, седла, валялись 10 - 15 красивых серых лошадей, побитых пулями и осколками. Страшно было смотреть на ужасные раны: осколки пробивали на вылет лошадь, будь то круп, туловище или грудь. Бедные лошади застыли в искаженных позах, все было залито кровью.

Артиллерист показывал на живот, куда был ранен, и его сейчас же унесли. Солдаты моей роты порылись в брошенных вещах и принесли мне совершенно новенький автоматичес-

кий пистолет системы «Стейер» в кобуре, а также и коробку с патронами и обоймами к нему.

Цепи пошли дальше. Рядом со мной шел командующий Москвцами полковник Гальфтер. На земле, раскинув руки, лежал небольшого роста, смуглый, с небольшой черной бородкой, красивый австрийский офицер. Лицо было залито кровью, а на лбу, над глазом, была рана от шрапнельной пули. Это был командир австрийской батареи. Сквозь тонкую перчатку просвечивало обручальное кольцо. По моему приказанию связь отстегнул от убитого его саблю, которую я передал полковнику Гальфтеру в память о бое. У меня было 3 сабли офицеров, взятых в плен в бою, одну оставил себе, а две отдал своим младшим офицерам.

Вышли из лощины и подошли к деревне Издебно. Москвцы свернули вправо, а мы, перейдя ручей, текущий по деревне, подошли к избам. На берегу ручья, на улице валялись головы с рогами, хвост и потроха зарезанной на кануне коровы. В избах сидели перепуганные мужики и бабы.

Дозоры, сейчас же высланные вперед и по сторонам, обошли деревню и прислали взятых ими в плен, почти без сопротивления, еще трех офицеров и около 30 солдат. Один из офицеров оказался далматинцем и довольно сносно объяснялся по-русски.

У ручья люди омылись, в это время подошла наша ротная кухня и люди, достав сухари, с удовольствием принялись за варку. Подкормили и пленных, а затем под конвоем отправили их в штаб полка. Итого ротой было взято в плен шесть офицеров и больше ста солдат.

Прошло уже часа два, за это время многие из роты прикурунули на солнышке и успели поспать, когда пришло приказание командира батальона вывести роту на дорогу, идущую на деревню Ченстохордицу.

Только подошли к перекрестку дорог, куда тянулись 5-я и 8-я роты, как нашла тучка и нас обильно полило дождем.

8-я рота была оставлена для погребения убитых. Итак, наш батальон сократился до трех рот. Подтянулись III-й и IV-й батальоны, и мы пошли.

Дорога шла вдоль реченьки, справа и слева отдельные хутора, хлеб уже снят и видны местами полосы свеже-вспаханной земли. Перебегая дорогу, между рядами роты запуталась мышь и ни один солдат на нее не наступил, давая ей дорогу, жалея животное. После боя — с убитыми и ранеными — им стала понятна цена жизни и крови. Слева потянулась деревня.

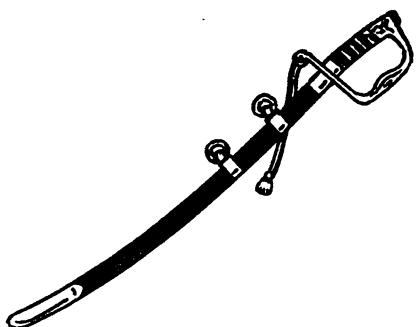
— Ваше Высокоблагородие, — нагоняя меня, обратился ко мне фельдфебель Яков Орел, — мы сейчас проходим деревню, откуда родом оба Кулика, резрешите им зайти домой повидать родных.

— Конечно, пускай зайдут, мы остановимся в д. Майдан-Александровский на ночлег, там они нас могут нагнать.

Оглядываясь назад, я увидел, как оба Кулика быстро пошли к одной из изб, около которой стояли, как и около других, мужики и бабы. Увидел, как навстречу им бросились, обнимая и целуясь, бабы и мужики. Кулики были двоюродными братьями и, пройдя всю войну, хотя и были ранены, все же уцелели и вернулись домой.

Мы шли до вечера, когда пришли в Майдан-Александровский и остановились на ночлег. Кухня наша вместе с двумя другими шла в хвосте батальона и к приходу на ночлег ужин был готов. Артельщик успел достать свежего хлеба, люди отлично поужинали и, утомленные, завалились спать по хатам, а по дороге тянулись сильно поредевшие полки Грэнадерского корпуса. Первый бой прошел удачно — был успех и с малой кровью.

А. Редькин

Русский Легион Чести

(Окончание)

Июнь - июль 1918 г. Виллер — Котерэ.

Весь июнь проходит в затяжных боях, чтобы закрыть противнику вход в леса Виллер — Котерэ. Выдохнувшаяся дивизия к концу июня отводится на полу-отдых в Компьенские леса.

Русский Легион истекал кровью, а пополнение все не шло. К этому времени относится еще одно тяжелое событие, уменьшившее еще больше численный состав Русского Легиона. Чтобы оформить с точки зрения международного права положение русских добровольцев, французское правительство приказало всем волонтерам дать вторую подпись, так как в первой, о которой говорилось выше, не было фразы с обязательством воевать «до конца войны». Колеблющийся элемент, под влиянием пропаганды, оторванности от далекой родины, усталости, тяжелых боев, больших потерь, воспользовался этим случаем, от второй подписки отказался и был отправлен в «рабочие роты». Были, конечно, и другие, высоко доблестные легионеры, считавшие, что после проявленного героизма и доказательства высшей бесспособности, признанной самим французским командованием, требование второй подписки акт оскорбительного к ним недоверия и потому принципиально отказались дать вторую подпись и были вынуждены уйти. Поползли тревожные слухи о том, что после Суассонских боев попавшие в плен офицеры были немцами расстреляны, а солдаты подвергнуты тяжелому турецкому режиму, как нелегально сражавшиеся в русской форме после заключения Брест-Литовского мира.

Для исторической справедливости нужно отметить, что в это время вопрос о замене русской формы формой французских колониальных войск, оставил лишь на левом рукаве повязку из русских национальных цветов уже был решен в высших военных сферах и в штабе Главнокомандующего французской армией.

Это был для всех мучительный вопрос совести. Русский Легион считал, что он должен сражаться лишь в русской форме. С переменой же формы рушилась как бы вся идейность и цель существования Русского Легиона. С другой стороны, французское правительство не могло, конечно, поступить иначе, как прикрыть — с точки зрения международного права, после

заключения Брест-Литовского мира — русских добровольцев своей формой и дать им возможность сражаться, как отдельная часть, до конца войны, а в случае пленения, избежать попасть в категорию «нелегально воюющих» и быть подвергнутыми, как таковые, суровым наказаниям по всей строгости законов войны. То же самое произошло и с офицерами-летчиками. Как ни велико было их желание составить русскую эскадрилью, по тем же причинам международного права, это им не было разрешено, и пришлось им в воздушном французском флоте, во французской форме, сражаться и умирать под небом Франции за общее дело.

**

По причинам организационного характера и интриг пришлось уйти доблестному командиру Русского Легиона капитану Лупанову. Командование перешло к кап. Прачеку, с ним два младших офицера — пор. Мириманов и пор. Васильев — и около ста унтер-офицеров и легионеров. В таком уменьшенном составе Русский Легион вступил в период тяжелых июльских боев. Такому малочисленному отряду, конечно, было невозможно дать самостоятельную задачу, и он служил затычкой. Его бросали в те места, где сильно напирал противник, чтобы поддержать усталые части. Потери в офицерском составе были настолько велики в 8-ом Зуавском полку, что командир полка просил командующего Русским Легионом одолжить им одного офицера. Поручик Мириманов, учившийся в молодости в Швейцарии и прекрасно знавший французский язык, был откомандирован в 8-ой Зуавский полк. Это вероятно, если и не единственный, то весьма редкий случай в военной истории России, чтобы русский офицер, в русской форме, с золотыми погонами на плечах, командовал французской частью. («Павлонам» будет приятно узнать, что пор. Мириманов наш однокашник, Павловского военного училища). На третий день, бросившись впереди своих зуавов в атаку, этот блестящий офицер прорвал немецкие линии, был тяжело ранен и получил вторую пальму на свой Военный Крест. Интересен его рассказ о том, как принял его зуавы, когда он туда явился со своим вестовым. Катался — рассказывал он — как сыр в масле. Вся рота старалась наперебой ему услужить, чем могла, подостлать, что было под рукой, чтобы мягче было спать в окопе, предлагали все по очереди из своих «бидонов» кофе,

ром, «пинар» и, что его больше всего смешило — и вероятно в душе очень льстило, — никак не могли понять, почему с тремя звездочками на погонах он всего лишь лейтенант и упорно величали его «*Mon capitaine*». Мириманов погиб в Добровольческой армии. В северной Таврии он был зарублен красной конницей.

**

15-го июля противник произвел массовую атаку от Реймса. Но французская армия сама готовилась к наступлению и накапливалаась в лесах Виллер-Коттерэ. На второй же день атака немцев захлебнулась, встретив жестокий отпор. 18-го июля X-ая армия генерала Манжена, в которую входит Марокканская дивизия с Русским Легионом, выходит из леса, теснит противника и, в десятидневном упорном бою, доходит до большой дороги Шато-Тьери. Русский Легион, усиленный танковыми пулеметами, шел фланг-гардом. За июльские бои Русский Легион потерял: офицеров — ранены пор. Мириманов, пор. Васильев и переводчик французской службы лейтенант Рубэ; унтер-офицеров и легионеров убитыми и ранеными 17.

**

Август 1918 г.

Марокканская дивизия стоит на отдыхе в Бретей, пополняется и переформировывается.

Пришел категорический приказ Главнокомандующего, и Русский Легион был нынужден подчиниться и переодеться в форму французских колониальных войск. Как некоторый компромисс, на левом рукаве была оставлена повязка с национальным русским флагом, на которой стоял штемпель французского правительства. На стальных касках вместо французского герба стояли черные буквы «L. R.». В петлицах вместо цифры полка те же буквы «L. R.».

**

Наконец пришло долгожданное подкрепление. Под командой капитана Мартынова (л. гв. Гренадерского полка) прибывают две полных роты военного состава. Русский Легион воспрял духом и входит теперь как отдельный батальон в 1-ую бригаду Марокканской дивизии и покидает славный 8-ой Зуавский полк, с которым его связывала тесная семимесячная боевая дружба. Командир 8-го Зуавского полка со всеми офицерами, полковой оркестр, знамя зуавов и знаменная рота выстроены, чтобы отдать последний привет боевым соратникам.

Русский Легион проходит церемониальным маршем — знамя зуавов склоняется перед русскими. Но, сделав Легион отдельным батальоном, то есть самостоятельной частью, высшие военные власти решили, что командование этим батальоном необходимо вручить французскому штаб-офицеру, который, воспитанный на доктрине французской военной школы, сможет точнее и быстрее согласовать действия Русского Легиона с общим заданием дивизии. Пришлось подчиниться. Командовать Русским Легионом был назначен боевой штаб-офицер Иностранного Легиона майор Трампюэз. Французскому майору очень нравилось самому командовать ружейные приемы всему батальону. Но во французской армии ружья носятся на правом плече, у нас же русских — на левом. Получалось очень весело, когда сам майор давал команду «*armes sur l'épaule droite*» и батальон Русского Легиона, как один, брал винтовки на левое плечо. Помощником командира батальона был назначен капитан Мартынов. Штаб батальона: офицер для связи, французской службы лейтенант Бренн; офицеры переводчики французской службы лейтенанты Фуркс, Работье, доктор Черепов, доктор Клейман, протоиерей о. Богословский. 1-ая стрелковая рота: командующий ротой шт. кап. Сурик I. (Борис), мл. офицеры: пор. Правосудович, пор. Павлов, подпор. Пржевальский. 2-ая стрелковая рота: командующий ротой шт. кап. Сурик II (Павел), мл. офицеры: подпор. Смирнов, подпор. Курилло, подпор. Цветаев. Пулеметная рота: вр. командующий ротой пор. Васильев и подпор. Урвачев. В таком составе Русский Легион вступил в последние сентябрьские бои.

**

Сентябрь 1918 г. Суассон. Последние бои. Смерть Батюшки. Атака передовых постов линии Гинденбурга.

Марокканская дивизия опять в 10-ой армии генерала Манжена, задача которой прорвать фронт немцев в направлении города Лан. Впереди 32-ая американская дивизия замялась, остановилась, поддалась назад и была заменена Марокканской дивизией. 2-го сентября, в 5 ч. утра, стрелковые роты выходят из окопов и под ураганным огнем противника бросаются вперед. Старый батюшка, Георгиевский кавалер, наперстный крест на георгиевской ленте, о. протоиерей Андрей Богословский, несмотря на уговоры, выходит со всеми из окопов и идет под огнем по открытой местности. Без маски, с развевающимися по ветру седыми волосами, высоко подняв в правой руке крест, благословляет идущих в атаку. Батальон Русского Легиона проходит церемониальным маршем — знамя зуавов склоняется перед русскими. Но, сделав Легион отдельным батальоном, то есть самостоятельной частью, высшие военные власти решили, что командование этим батальоном необходимо вручить французскому штаб-офицеру, который, воспитанный на доктрине французской военной школы, сможет точнее и быстрее согласовать действия Русского Легиона с общим заданием дивизии. Пришлось подчиниться. Командовать Русским Легионом был назначен боевой штаб-офицер Иностранного Легиона майор Трампюэз. Французскому майору очень нравилось самому командовать ружейные приемы всему батальону. Но во французской армии ружья носятся на правом плече, у нас же русских — на левом. Получалось очень весело, когда сам майор давал команду «*armes sur l'épaule droite*» и батальон Русского Легиона, как один, брал винтовки на левое плечо. Помощником командира батальона был назначен капитан Мартынов. Штаб батальона: офицер для связи, французской службы лейтенант Бренн; офицеры переводчики французской службы лейтенанты Фуркс, Работье, доктор Черепов, доктор Клейман, протоиерей о. Богословский. 1-ая стрелковая рота: командующий ротой шт. кап. Сурик I. (Борис), мл. офицеры: пор. Правосудович, пор. Павлов, подпор. Пржевальский. 2-ая стрелковая рота: командующий ротой шт. кап. Сурик II (Павел), мл. офицеры: подпор. Смирнов, подпор. Курилло, подпор. Цветаев. Пулеметная рота: вр. командующий ротой пор. Васильев и подпор. Урвачев. В таком составе Русский Легион вступил в последние сентябрьские бои.

гиона уже проскочил далеко вперед. Резервные части зуавов торопливым шагом пересекают то место, где стоит батюшка. Французы католики, пробегая мимо православного священника, снимают каски, крестятся, а ближайшие подбегают и целуют наспех наш крест. Первые лучи восходящего солнца придают этой картины незабываемое сияние. В полдень до первой линии дошли грустные вести. Батюшка убит. Разорвавшимся рядом с ним немецким снарядом он был тяжело ранен. Санитары наскоро перевязали его, понесли на носилках на перевязочный пункт. Кружившиеся как коршуны стаи немецких аэропланов, посыпавшие свинцовым дождем атакующие войска, пулеметной очередью добили уже на носилках Батюшку на смерть. Эта славная смерть быть может избавила его от подвалов чеки. Он уже получил приказ вернуться в Россию, но считал своей священной обязанностью напутствовать крестным благословением идущих в атаку своих русских легионеров. Приказом Главнокомандующего о. Андрей Богословский посмертно награжден Почетным Легионом и Военным Крестом с пальмой.

**

12-й батальон Мальгашских стрелков получил задание взять сильно укрепленный опорный пункт Терни-Сорни. От успеха этой операции зависела фланговая обеспеченность всей Марокканской дивизии. Начав движение, мальгаша попадают под убийственный фланговый огонь с точки 172, который их пригвоздил на месте. Будучи вынужденными выделить часть своих сил для парирования появившейся опасности с фланга, они оказались уже недостаточно сильны, чтобы овладеть Терни-Сорни, и залегли, понеся громадные потери, под все усиливающимся огнем противника. Русский Легион, идя за мальгашами и видя критическое положение собратьев по оружию, бросается вперед, маневрируя под смертоносным баражем немцев и, обойдя с востока Терни-Сорни, врывается в него и в рукопашной жестокой схватке захватывает укрепленный опорный пункт противника. Этот блестящий маневр, освободивший всю дивизию от нависшей опасности с фланга и позволивший ей начать продвижение вперед, был выполнен, главным образом, 2-й стрелковой ротой, заслуживающей наивысшую похвалу. Залп немецкой артиллерии попадает в командный пункт Русского Легиона и убивает командующего Легионом французского майора Трамюэ, офицера связи французского лейтенанта Бренн, доктора Клеймана и трех русских легионеров связи. Командование переходит к капитану Мартыно-

ву. В течение трех суток противник пытается отбить столь важный для него опорный пункт. Бомбардируя без конца, посыпая снаряды с удушильными газами, посыпая тучами пуль, десятки эскадрилий, в этом кромешном аду, по несколько раз в день, немцы бросают в контратаку свои лучшие силы. Неся громадные потери, Русский Легион с энергией отчаяния, в штыковых схватках защищать взятые позиции. Вся ярость немецких контратак, как волны бушующего океана, разбились о гранитную скалу русских штыков. Опорный пункт остался в руках Русского Легиона. Доблестный командующий Русским Легионом капитан Мартынов и командующий 2-й стрелковой ротой шт. кап. Сурик 2-й (Павел) были на поле боя награждены Почетным Легионом. Все остальные офицеры были награждены Военным Крестом разных степеней. Четыре Военных Медали, на поле боя, были прицеплены на грудь особенно отличившихся русских легионеров. Большое количество Военных Крестов было роздано ун. офицерам и легионерам. Потери Русского Легиона велики. Кроме, поименованных выше, убитых, ранены: пор. Павлов, подпор. Цветаев, доктор Черепов, офицеры переводчики французской службы Фурко, Фээргэ, Работье. Унтер-офицеров и легионеров: убитых 24, раненых 78.

**

До 12-го сентября Марокканская дивизия остается в линии, в беспрерывных боях отбивая все усиливающиеся атаки противника. Немцы вводят в бой лучшие силы, 6-ю гвардейскую дивизию и 1-ю прусскую. В этой беспощадной смертельной схватке, где воюющим приходилось быть в противогазовых масках, обе стороны показали столько мужества, упорства и героизма, что заслужили высшую похвалу.

Прибывает вызванный телеграммой из отпуска командир пулеметной роты кап. Прачек, чтобы принять участие в последнем легендарном бою Русского Легиона. Вместо убитого майора Трамюэ командующим Русским Легионом назначается старый знакомый, высокодоблестный, офицер 8-го Зуавского полка майор Дюран. Измученная Марокканская дивизия получает приказ атаковать и прорвать укрепленную линию Гинденбурга, последний оплот гордого тевтона. Русский Легион идет в первом эшелоне за катящимся валом баражного огня своей артиллерии. 14-го сентября, в 5 ч. утра, бросившись вперед, 1-я стрелковая рота, поддерживающая следующей за ней в 156 метрах 2-й стрелковой ротой, молниеносным ударом врывается в узловую укрепленную траншею

«Rossignol», забрасывает ее ручными гранатами и, не задерживаясь, следующим скачком овладевает в штыковой схватке второй укрепленной позицией «Avancée». Очистив от противника захваченные линии, Русский Легион в своем безграничном порыве, опередив баражный огонь своей артиллерию, устремляется на последний назначенный ему объектив, 3-ю укрепленную линию «Chateau de la Motte» и штыковым ударом врывается в нее. Могучее русское «ура», вырвавшееся из 300 русских грудей, настолько ошеломляет немцев, что они не успевают оказать сопротивления и панически сдаются. Взвиваются сигнальные красные ракеты, чтобы предупредить свою артиллерию и авиацию: «мы уже здесь — не стреляйте — переносите огонь дальше». Такая быстрота продвижения показалась наблюдательным постам артиллерии настолько невероятной, что в ответ взвились условные цвета ракет с вопросом: «где вы — повторите сигнал». Русский Легион вдался глубоко клином в линии немцев. Много пленных и военной добычи попало в руки русских. Начальник Марокканской дивизии в своем рапорте об этом легендарном бое доносит: «Все эти действия были ведены так блестяще и с такой стремительностью, что потери русских были относительно незначительны. Убитых 9, раненых 25». В представлении Русского Легиона к награде, он пишет дальше: «Батальон особо отобранных людей, непримиримая ненависть которых к врагу, в соединении с полным презрением к смерти, воодушевляет все их действия. Жертвенность, с которой Русский Легион выполнил свой маневр, смелость и отвага, с которыми он его осуществил под ураганным огнем противника — требуют представления Русского Легиона к заслуженной им награде». И, действительно, лишь поразительная быстрота действия, замечательная точность в исполнении маневра, боевое счастье, сопутствовавшее русским добровольцам и полная растерянность противника позволила такой немногочисленной части как Русский Легион, за каких-нибудь два часа пройти три ряда грозных железобетонных укреплений, которые в течение полутора лет были непроходимой преградой и о которые разбивались до сих пор все атаки. Нельзя не отметить благородство и «спортивность» начальника Марокканской дивизии, избалованного боевыми успехами своей дивизии и привыкшего к блестящим действиям своих полков, покрывших себя громкой боевой славой на всю Францию и признавшего действие Русского Легиона «легендарным».

Начальник тыловой службы генерал Брюллар, обращаясь к русским, живущим во Франции, писал: «Я счастлив довести до сведения русских, находящихся на территории Франции,

о геройском поведении на поле битвы Русского Легиона. Слава этим храбрецам, которые проливали и проливают свою кровь, отдавая жизнь за общее дело. Они помогли повороту счастья в общем ходе войны. Это истинные герои, которыми будут гордиться все будущие поколения».

Представление к наградам Русского Легиона уважено Главнокомандующим: «Русский Легион получает на знамя «Военный Крест» с двумя пальмами и «Фуражер».

Далеко не все полки французской армии за четыре года войны получили на свои знамена эту награду. Все чины части, получившей на знамя «Фуражер» — род аксельбанта — носят эту награду на левом плече. Две пальмы давали право на Фуражер цветов Военного Креста, четыре пальмы — цвета Военной Медали, шесть пальм — цвета Почетного Легиона и восемь пальм — двойной Фуражер. В Марокканской дивизии к концу войны все полки дивизии имели Фуражер цвета Почетного Легиона, кроме сводного полка Иностранного Легиона, который был награжден Фуражером двойным.

Приводим выписку из приказа Военного Министерства о награждении Русского Легиона:

LEGION RUSSE.

1. Bataillon d'élite dont la haine implacable de l'ennemi anime toutes les actions, joignant à un mépris complet de la mort le plus bel enthousiasme, pour une cause sacrée, a montré un rare courage au cours des opérations sur la Somme du 26 au 30 Avril 1918, contribuant par son héroïque résistance et au prix de pertes élevées à arrêter la marche de l'ennemi sur AMIENS; a pris une part non moins brillante aux opérations devant SOISSONS les 29, 30 Mai et 2 Septembre, où il a déployé les mêmes qualités de sacrifice, luttant sans merci pour conserver le terrain conquis, faisant de nombreux prisonniers et capturant un matériel important.

(Décision du général Commandant en Chef du 30. 9. 1918).

2. Le 2 Septembre 1918 a fait preuve des plus belles qualités manœuvrières, d'un remarquable esprit de sacrifice, d'une vigueur et d'une tenacité au-dessus de tout éloge. Etant bataillon de deuxième ligne, s'est spontanément porté en avant de la première ligne donc la progression était arrêtée par des feux violents d'artillerie et de mitrailleuses. Par un habile manœuvre, a abordé et tourné par l'est le village TERNY-SORNY, s'en est emparé et s'y maintenu après une lutte, des plus après allant jusqu'au corps à corps et durant toute la nuit. A résisté le lendemain et le lendemain à des furieuses contre-attaques.

Le 14 Septembre a contribué à la réduction

d'un nid de mitrailleuses puissamment organisé et défendu avec acharnement, puis continuant sa progression avec une énergie inlassable et un esprit de sacrifice des plus élevés, a contribué à l'enlèvement du plateau de l'Est d'ALLEMENT, ront l'ennemi avait fait une position rédoutable.

(Décision du Maréchal de France, Commandant en Chef du 11. 12. 1918).

К концу войны, доктор Веденский, поступивший, как говорилось уже выше, простым солдатом в Русский Легион, был награжден за боевые отличия Почетным Легионом и Военным Крестом с пальмой. Награждение солдата Почетным Легионом весьма редкое явление во французской армии и таких случаев за всю войну было лишь несколько. Как исключительно редкое награждение, выпавшее на долю русского, приводим реяцию по французской армии, сопровождавшую награждение Почетным Легионом.

D. M. du 2. 1. 1919. Wedensky Dimitri. Soldat de 1-ère classe de la Légion Russe. Soldat d'une bravoure admirable, très crâne au combat, unissant le plus grand sang-froid à la plus intelligente initiative.

Medecin dans l'Armée Russe est rentré le premier comme volontaire dans la Légion Russe, y a pris part à tous les combats.

Le 14. 9. 1918 s'est élancé le premier à l'attaque donnant l'exemple du plus complet mépris du danger. A contribué à briser une contre-attaque en mettant de sa propre initiative sa pièce en batterie sous un violent feu d'artillerie, prenant l'ennemi d'enfilade et lui infligeant d'énormes pertes.

A obtenu cinq récompenses comme officier-médecin dans l'Armée Russe et a été cité à l'ordre d'un Corps d'Armée Française. Croix de guerre avec palme.

Таким образом, за 10 месяцев боевой службы через Русский Легион прошло 24 офицера, 3 доктора, Батюшка, 7 офицеров и переводчиков французской службы и 994 унтер-офицера и легионера. За этот же период Марокканская ударная дивизия потеряла убитыми и ранеными: офицеров 300, унтер-офицеров и солдат 14.000. Сколько жизней спасли редко-достойные доктора Русского Легиона Зильберштейн, Черепов и Клейман. Эти люди долгие шли непосредственно за первыми цепями и тут же под огнем противника делали раненым уколы против столбняка и, перевязав, отправляли их с санитарами назад. Но и заплатили все трое дорого за свое мужество: один — убит, двое других — тяжело ранены.

Ноябрь 1918 г. Перемирие. Оккупация Германии. Конец Русского Легиона.

Если брешь в укрепленной линии Гинден-

бурга, недостаточно глубокая, и не принесла окончательного решения, то мораль противника была настолько подорвана, что в связи с общей обстановкой, он стал отводить свои войска к германской границе.

После отдыха в Мо, Марокканская дивизия переброшена в Лотарингию и занимает сектор Ленокур. Рекогносцировки, поиски для захвата «языка», подготовка к последнему решающему сражению.

Но уже ползут слухи о переговорах. 10-го ноября вечером, когда батальон 8-го Зуавского полка готов предпринять короткий удар в направлении Розбура, вдруг раздаются крики в окопах немцев, зажигаются огни, в небо фейерверком засветились ракеты всех цветов. Телефонные звонки в штаб дивизии. В чем дело? «Отменить все боевые приказы. Ждать инструкций. Стрелять только в ответ на стрельбу противника».

В 5 часов 45 минут утра 11-го ноября, получена радиограмма из штаба Главнокомандующего: «Прекратить военные действия в 11 часов утра. Стоп. Противник принял условия маршала Фоша. Конец».

Трудно описать охватившее волнение и радость французов. Люди сходили с ума. В селах и городах прифронтовой полосы барышни, забрасывали их цветами, целовали и плакали. Еще труднее описать, что творилось в сердце русских офицеров Легиона Чести. Радость? Да, радость, что выскочил живым и дождался дня победы. Но это чувство радости сразу же затемнялось жгучей грустью, что наша великая Родина, принесшая столько жертв для общего дела, не участвует в этом пиршестве. Беспредельная тоска за раздираемую междуусобицей Россию. Злобное чувство против всех тех беспринципных, тщеславных плюсунов, которые разрушить все сумели, а создать ничего не могли.

**

После перемирия Русский Легион вместе с Марокканской дивизией прошел Лотарингию, Эльзас, Сар и вошел в Германию. Дойдя до Рейна, остановился в Фридрихсгафене против Мангейма. Отсюда были направлены в назначенный ему для оккупации гор. Морш, севернее Фридрихсгафена. Велико было удивление и негодование немцев, когда они узнали что оккупирующие войска русские.

**

После заключения перемирия количество волонтеров в Русском Легионе возросло немоверно. Кроме чинов переписавшихся из рабочих рот и выразивших теперь желание

служить в рядах Русского Легиона, с разрешения французского военного министерства, были переведены из Иностранного Легиона в Русский легионеры русского происхождения. 16-го ноября прибыло из Иностранного Легиона 153 человека и 3-го декабря еще 42. К сожалению, как и оказалось потом, это был, главным образом, распропагандированный элемент, единственная цель которых — зная, что Русский Легион будет отправлен первым на Родину, — было добраться до России и перейти к красным. Старых легионеров, идейно пошедших в Русский Легион, оставалось мало. Большая часть их была перебита в боях.

В конце декабря 1918 г. Русский Легион из Германии был переброшен в Pleurs sur Marne, где и готовился к отправке в Россию. В феврале 1919 г. первый эшелон погрузился в Марселе на пароход и высадился в Новороссийске. В первом же бою, заколов часть своих офицеров, они перешли к красным. Измена не всегда приводит к желанным результатам. Конные части казаков стоявших в резерве и офицерская рота успели их догнать. Большая часть их была перерублена. Небольшая часть оставшихся верными из старых легионеров составили кадр для 1-го Кавказского стрелкового полка и была назначена в Кавказскую армию (генерал Врангель). Фельдфебеля и подпрапорщики были произведены в офицеры. После взятия Царицына шли вдоль Волги через Камышин на Саратов, где их и застало общее отступление Добровольческой Армии.

Когда грустная весть об измене дошла до Франции, военное министерство решило расформировать остальные роты Русского Легиона и отправка в Россию была отменена. Офицеры одиночным порядком отбыли в Белые армии. Большая часть на юг к ген. Деникину, некоторые во Владивосток к амидалу Колчаку, кое-кто в Архангельск к ген. Миллеру. В рядах Белых армий доблестно погибли: полк. Готуа, основоположник русских воолнтеров во Франции, кап. Иордан, кап. Сурик 1-ый, кап. Сурик 2-ой, пор. Мириманов, подпор. Курилло. Другим, проделавшим с Белыми армиями весь крестный путь до конца, посчастливилось вернуться во Францию, уже в качестве бесправных эмигрантов.

**

Если для офицера, поступившего волонтером в Русский Легион, это было вполне нормальное явление, так как иначе и быть не могло, ибо это было лишь исполнение офицер-

ского долга и верность присяге и, следовательно, никакой особой заслуги здесь нет, то нельзя не преклониться перед нашими «меньшими братьями», нашими солдатами, нижними чинами, как в то время их именовали.

Оторванные от далекой Родины, не понимающие, что творится в России, подвергнутые бешеной пропаганде, тоскующие по своим семьям, женам, родным полям и лесам, находясь среди чуждого им народа, как то смутно, своим хорошим русским нутром поняли, что сделано на Родине плохое дело, что русское имя здесь, за границей, замарано и что надо что-то сделать, чтобы показать иностранцам, что не все русское плохое. Нужно было видеть этих лучших простых людей. Сознание, что на них смотрят иностранцы как-бы подхлестывало их. Нужно было видеть их выпрямку, как они старались быть одетыми возможно опрятнее, как подчеркнуто вытягивались отдавая честь иностранным офицером, как держали себя в бою, сколько доблести, мужества и отваги проявили они, рисковали зачастую напрасно лишь потому, что «на нас смотрят иностранцы», сколько самопожертвования проявили они, чтобы выносить с поля боя своих раненых офицеров. Их было немного, едва лишь тысяча из всего Экспедиционного Корпуса. Могилы этих верных русских солдат разбросаны по всей Франции, во всех тех местах, где дрались Марокканская дивизия, и лишь единицы похоронены на русском военном кладбище в Мурмелоне.

Начальник 1-ой особой пехотной дивизии во Франции генерал Лохвицкий в приказе по русской базе, объявляя имена убитых в боях русских легионеров Легиона Чести, писал: «Да будет мир праху этих героев долга, принесших свою жизнь на алтарь Отечества в тяжелое время, переживаемое нашей Родиной. Память о них останется незабвенной».

Слава и вечная память погибшим верным соратникам.

**

Что же стало с верным Мишкой? Его надо было как то устроить. Он был помещен в Jardin d'Acclimatation. Группа офицеров отправилась к Misstinguette и просила ее быть «крестной матерью» Мишки, на что она охотно согласилась. Бедный Мишка, бывший всегда на свободе, никогда не мог привыкнуть к клетке и жалобно подывал. Мишки больше нет... все забыто.

Легиона Чести
Шт. кап. Васильев

Первый Кадетский Корпус

(Окончание)

Кормили нас просто и сътно, но несмотря на то, что мы были уверены в честности нашего начальства, нашего эконома, маленького ростом, Ивана Павловича величали «жуликом».

Танцами никто из нас не увлекался и в продолжении урока больше безобразничали, нежели учились, прыгая козлами, а во время мазурки не хуже жеребят летели по зале, выбрыкивая во все стороны ногами. Наш преподаватель С. И. Лукьянов приходил в ужас при виде наших стараний и способностей к танцам, хватался за голову, а потом начинал махать руками, чтобы прекратить музыку и наше веселье. Такое отношение к танцам я объясняю тем, что танцевать нам было негде. Никаких вечеров у нас не устраивали и я помню один только бал, когда был уже в 7 классе.

Может быть, играло роль строжайшее за-прещение носить что-либо свое, а не казенное. В этом отношении наше начальство было беспощадным, называло это «писарством» и уничижало все. Нельзя не согласиться, что и в этом случае оно показывало мудрость, так как между нами не было повода для зависти. Большинство из нас были дети офицеров и, если имели деньги, то очень маленькие. Я же, хотя и был сыном богатого помещика, получал из дома меньше рубля в месяц, а мои ближайшие друзья кубанские казаки, два брата Крыжановские, отец которых командовал сотней в Конвое Его Величества, еще меньше.

Спали мы на простой железной кровати, на которой лежал деревянный щит и тоненный матрас. Зато белье на нас менялось два раза в неделю, утром был ежедневный осмотр, и мы были приучены к чистоплотности. В такой суровой обстановке проходила наша жизнь, к ней мы привыкли, никто на нее не жаловался и изменялась она только на праздниках Рождества Христова и летних каникулах, когда мы разъезжались по домам.

Уже в последний год пребывания в корпусе все были удивлены, узнав, что у нас предполагается «спектакль», будет поставлена «Женитьба» Гоголя и «Измаил» Бухарина, а потом бал. Хотя все это было для нас ново,

но отнеслись мы к этому известию хладнокровно, не предполагая в себе никаких актерских талантов. Видя такое равнодушие, командир роты полк. Бензамен приказал выстроиться и, подойдя к нам вместе с другими офицерами, начал просто назначать, распределяя роли между нами. Совершенно неожиданно влип в эту историю и я, потому что меня единогласно выбрали играть роль Ивана Павловича Яичницы и строевого казака. Никакие просьбы заменить кем-нибудь другим не помогли, подвел мой сильный бас и здоровая фигура. Когда начались репетиции, мы вошли во вкус, изошряясь в остротах друг над другом и балагана, а во время спектакля даже отличились.

Присутствовала на нем вся семья Великого Князя и если и не «весь Петербург», как принято писать в отчетах, то все-таки чудо архитектуры, наш бесколонный «Сборный зал», считавшийся одним из самых больших в России, была весь набит нарядной публикой. Денег на устройство этого спектакля не пожалели. Приехал парикмахер-гримировщик из Александринского театра и, когда нас загримировали, мы сделались неузнаваемы. Особенно переменился я благодаря двум подушкам, положенным под жилет, превратившимся в толстого пожилого человека. Все сыграли свои роли отлично, но я чуть не провалил весь спектакль. Надо сказать, что я обладаю природным чувством юмора и готов состричь и рассмеяться там, где другие начинают уже плакать. Поэтому, выйдя на сцену и увидев рожу своего приятеля Лысенко, загримированного Подколесиным, я, не выдержав, расхохотался. Моя фигура, очевидно, была тоже комична потому что Лысенко последовал моему примеру. Кончиться это могло скверно, если бы не очень старательный суфлер, который, спутавшись нашим неожиданным, не указанным в роли смехом, разозлился, стал шипеть, как змея в своей будке и ругаться.

«Измаил» прошел еще лучше. Все мы в нем участвовали, были одеты казаками и сначала пели, а потом пустились «в присядку», вошли в раж и так старались, что подняли целое облако пыли, но это оказалось натурально, так как действие происходило в лагерях. Самое большое впечатление на меня произвели кадеты, игравшие женские роли. Чистосердечно признаюсь, что таких красавиц ни на сцене, ни в обыденной жизни я больше не видел,

хотя служил в Москве и там же ездил на ипподром, наглядевшись на нем всего. Это было мое единственное, вынужденное выступление в легкомысленной профессии актеров.

Очевидно за свой сильный бас я исполнял должность «старшего певчего» церковного хора и, кончив корпус, получил от него в подарок даже жетон, художественно сделанный из золота. Обязанности были нетрудные, раздавать и собирать ноты, а после литургии получать для певчих пирожные и конфеты, которые выдавались нам как награда. Надо сознаться, что жулил я при этом, бессовестно записывая в требование человек десять лишних. Полк. Бенземан, конечно, это видел, но всегда подписывал, не наводя никаких справок, и только изредка спрашивал «что, опять хор увеличился?».

По моему убеждению, наш корпус, по своим обычаям и взглядам, был самым скромным, но, благодаря исключительному благоволению к нему Царей и его двухвековому славному существованию, он невольно притягивал к себе людей самых различных положений, всеми силами старавшихся, чтобы их сыновья воспитывались именно в нем. Нечего и говорить, что все места были всегда заполнены, а перевестись в него было почти невозможно. Поэтому мы, кадеты 5-го класса были удивлены, когда между нами появился кадет Николаевского корпуса. Потом мы узнали, что он сын сенатора К. Удивились мы потому, что из этого корпуса большинство шло в кавалерийское училище, а у нас такие случаи были редки и из моего выпуска вышел туда только Искрицкий, умерший там через два месяца. Происходило это, повидимому, потому, что мы были убеждены, что в кавалерии служат только богатые люди. На самом деле служилое дворянство к тому времени уже настолько обеднело, что не могло помогать своим сыновьям и мой двоюродный брат Алферов, служа в Сумском полку, получал едва 20-25 рублей в месяц.

Этот К. произвел на нас самое отталкивающее впечатление как своей наружностью, так и своим нахальством. Будучи одет во все собственное, он не скрывал своего презрения к нашей казенной одежде и громко это высказывал. Подобное отношение нам, конечно, не понравилось и ему посоветовали прекратить, пригрозив, что иначе будет плохо. Получили ответ: «а ну попробуйте, мой отец сенатор и друг военного министра Куропатника — моментально вылетите». Но кто-то, не испугавшись, «попробовал» и К. пожаловался, а этого у нас никогда не бывало. После всех этих жалоб К. форменно возненавидели и стали чаще раздаваться голоса, что пора его проучить. Кто произвел ночь над ним суд и расправу,

никто не знал. Но проснувшись однажды утром, мы увидели в спальне всех наших офицеров и ротного командира, чего никогда не бывало. Начал ползти слух, что К. на рассвете отнесли в лазарет. После утреннего чая узнали, что за ним в карете приехал сенатор и увез домой, а через час еще новость: «К. застрелился». Однако, к этому сообщению мы отнеслись недоверчиво и не поверили в него. Вечером того же дня узнали подробности и оказались

Поручик 6 гренадерского Таврического полка А. А. БЕТЛИЧ, выпускка из Первого кадетского корпуса 1901 года.

правы, так как К. всего только оттянул кожу на левом боку и прострелил ее без всяких для себя дурных последствий. Все это произошло весной, во время экзаменов, и дело принимало дурной оборот.

Генерал-от-инфanterии А. Н. Куропаткин кончил наш корпус лет на тридцать раньше нас и, конечно, помнил наши обычаи. Он все таки сделал вид, что возмущен этим самосудом, прислал своего адъютанта полковника графа Бобринского произвести дознание и найти виновных. Дознание он производил целый

месяц, но никаких виновных не нашел. Тем дело и кончилось.

Нашим воспитателям грозила беда, но они и здесь показали свою порядочность, защищая кадет при допросе и давая самые лучшие отзывы о нас. Однако, иногда они были беспощадны, и виновные просто исчезали из нашей среды. Например, нам и в голову не приходило, даже в старших классах, принести и выпить вина или водки. Мы знали, что пощады не будет и я не помню такого случая. Так же строго было с заболевшими «дурными» болезнями. При мне был такой случай с кадетом Я. Когда это обнаружилось, его тотчас сам воспитатель отвел в лазарет, и мы его больше не видели. Увольняли безжалостно кадет, сделавших какой-нибудь гадкий поступок, но на наши шалости смотрели сквозь пальцы и мальчишек не губили.

Я расскажу лично про себя, какие номера я выкидывал, находясь в третьем классе и какое, чисто ангельское, терпение должны были иметь наши воспитатели.

Насколько любили и уважали мы их, настолько безразлично, а иногда и прямо враждебно относились к преподавателям. Особен-но почему то не любили преподавателей французского и немецкого языка, всегда стараясь сделать им какую-нибудь неприятность. Будучи в первом и втором классе, я кое-что еще делал и переходил в следующий без переэкзаменовок, но, попав в третий, окончательно бросил заниматься, мудро решив, что все равно экзамены выдержу и перелезу как-нибудь в четвертый. Поэтому нет ничего удивительно-го, что при двенадцатибалльной системе средний мой балл был четыре, правда с большой дробью, а по поведению — шесть, тоже не густо, но я не унывал и продолжал развиться, несмотря на уговоры добрейшего подполковника Ф. Н. Доннера взяться за ум. Он кончил наш корпус и был воспитателем нашего отделения, нося два прозвища: «дяди Феди» за свою доброту и «сливы» за свой изрядный широкий нос.

На мое несчастье к нам назначили нового преподавателя немецкого языка Эрнеста Густавовича Штернберга. Несмотря на свое полное равнодушие к изучению языков, я отлично выучил рапорт на обоих и, когда они приходили на урок, я им громко и отчетливо рапортовал, имея всегда одно и то же число больных и находившихся в классе. Кроме того, на моей обязанности было читать молитву. В общем, по своему мнению, без дела не сидел и работал для общего кадетского блага. Впервые мы увидели Штернberга вместе с инспектором классов, который пришел, чтобы нас представить и сказать маленькую речь о пользе изучения

немецкого языка. После исполнения всего этого он ушел, а несчастный немец остался один и, не понимая ничего по-русски, удивленно поворачивал во все стороны свою голову, напоминая собою сороку, залетевшую по ошибке в чужой двор. Мы все это моментально сообразили, решили повеселиться и я, подойдя к немцу, сказал: «надо читать молитву» и видя, что он меня опять не понял, показал на образ, висевший в углу. Немец посмотрел в ту сторону, но продолжал сидеть на кафедре, не зная, что ему делать? Наконец кто-то сидевший на галерке, знавший немецкий язык, разъяснил в чем дело. Тут мы прямо ахнули от неожиданности, так как Штернберг, стремительно соскочив с кафедры, в момент очутился в самом углу, под образом и затем, повернувшись к нам лицом, застыл как изваяние, очень картино держа переди себя журнал. Я и здесь не растерялся и, подойдя к нему, учтиво объяснил знаками, что надо повернуться лицом в угол, что он и сделал любезно, с улыбкой, кивком головы поблагодарив меня за это. Уладив все с немцем, я только что прочел молитву: «Преблагай Господи», как слышу сзади шепот: «вали дальше». Я сразу сообразил, в чем дело и прочел «Верую...» и опять раздается: «смоли дальше». Тут уж я увлекся, стал на колени и, кланяясь в землю, начал читать все, что придет мне в голову, включительно до стихотворения: «пахнет сеном над лугами». Изредка, из предосторожности, я все-таки посматривал на Штернberга. Тот стоял не шевельнувшись под самой лампадой, молитвенно опустив голову. Вы не подумайте, что это было с нашей стороны умышленное кощунство. Ничего подобного и в уме у нас не было. Я лично всегда был верующим человеком. Правда, если бы я разыграл дома такую комедию, то меня отец моментально бы выдрал, но ведь здесь не дом, а корпус с его соблазнами. Когда мое чтение кончилось, Штернберг, усевшись на кафедру, сказал нам по-немецки короткую речь, подчеркнув, что ему очень понравилась наша религиозность. При этом он спросил мою фамилию, что мне вовсе не понравилось. Таким образом мы морочили голову молодому неопытному немцу недели две, но всему бывает конец. Пришел он и на мою голову. В этот неудачный для меня день было все как всегда на уроке Штернberга. Он стал под лампадой, а я на коленях посреди класса, не ожидая никакой беды. Вдруг чувствуя, что кто-то взял меня за шиворот; я оглянулся и в ужасе вскочил. Передо мной стоял «дядя Федя». Оказалось, при встрече он спросил Штернberга, как мы ведем себя и учимся? Тот ответил, что все на редкость спокойные ученики и очень богомольны. Как бывший кадет, Доннер по-

чуял, что происходит что-то неладное, а когда узнал Фамилию чтеца, ему сразу стало все ясно и он вошел в класс настолько тихо, что никто его не заметил.

Драмы из этого случая он не сделал, но долго стыдил весь класс. Меня же, считая, правильно или неправильно, главным заводилкой, отчитывал целый час, сказав под конец, что напишет отцу о моих художествах, а это было для меня самое скверное, так как я отлично знал, чем это кончится. Поэтому к удивлению всех я месяца полтора вел себя тихо и вполне прилично, так что «дядя Федя» очевидно забеспокоился и спросил: «здоров ли я?»

Не знаю откуда пришла мне в голову мысль заняться кулинарией и зажарить яичницу. Раз я, что задумал, откладывать не привык, поэтому сейчас же раздобыл банку от монпансье, вставил в нее свечку, а крышку приспособил как сковороду. После этого, купив кусочек масла и яйцо, принялся за дело во время урока русского языка. Сидел я, конечно, как всякий уважающий себя настоящий кадет, на галерке, а потому довольно спокойно зажег свечку, поставил сковородку с положенным на нее маслом, а когда оно начало распускаться, разбил яйцо и закрыл крышку парты. В это время преподаватель русского языка Дмитриев, ничего не замечая, рассказывал по классу, что-то объясняя. Но вот он остановился, прислушался и повернулся в мою сторону, а потом и весь класс замер, не понимая откуда раздается довольно явственное шипение и трескотня. Один только я и мой сосед по парте П. Сапожников знали, что все эти звуки издает моя плита. Такое напряженное состояние продолжалось недолго. Очевидно, по неопытности, я положил слишком мало масла, оно начало пригорать и из под парты повалил дым. Дмитриев с видом человека, решившего рискнуть жизнью бросился ко мне, открыл парту и, схватив мою плиту, хотел потушить свечку. Однако она была така горяча, что, обжегши руки, он упустил ее и вся моя яичница оказалась на полу. В результате, в журнале появилась следующая запись: «во время урока русского языка Ветлиц жарил яичницу». Однако, благодаря «дяде Феде», который почему то очень меня любил, и это прошло благополучно, но за то совсем близко был один непредвиденный мною случай, из-за которого я чуть не вылетел из корпуса.

Поступил я в него, когда все его огромное здание освещалось газом, но вскоре начали проводить электричество и, когда оно было готово, наши доморощенные физики стали производить с ним различные опыты, благодаря которым свет постоянно гас. Это так надоело нашему начальству, что оно запретило нам да-

же дотрагиваться до лампочек и штепселяй. Меня никакие опыты ни мало не интересовали, но гутаперчевые трубы привлекли мое внимание и один из мастеров подарил мне целый, довольно длинный, отрезок ее. Получив в собственность эту драгоценность, я сразу же нашел и полезное ей применение, использовав ее как духовое ружье. Надо было свалить кусочек хлеба, засунуть в трубку и дунуть. Тогда он вылетал из нее на манер пули и при известной меткости можно было попасть в цель в 10-15 шагах. За неимением хлеба можно было пользоваться жеваной промокательной бумагой. В общем, сделав такое открытие, я с трубкой первые дни не расставался, палая из нее во все стороны. Нет ничего удивительного, что я так наловчился, что мог попадать в точку. Вот эта-то меткость и надела беду.

Был у нас преподаватель французского языка — большой, полный и очень грубый пожилой человек, по фамилии Жако, которого за его строгость не любили. Как-то, придя в класс, он вызвал отвечать урок моего приятеля, который не был силен в этом предмете. Я пересел во второй ряд парт, чтобы попросить очень симпатичного и хорошо учившегося кадета Е. Кельчевского ему подсказать. Однако Жако сразу это заметил, влепил тому «кол» и велел сесть на место, а вызвал кадета Ш. — тихоню и страшного зубрилу, которого никто не любил и не сходился с ним. Не знаю почему, у меня явилось желание залепить кусок промокашки в лоб Ш. Не долго думая, я разжевал и хорошо наслоняяил довольно большой ее кусок, запихнул в трубку, нацелил и — дунул. Но тут кто-то толкнул мою руку и весь заряд попал не в Ш., а прямехонько в Жако, залепив тому глаз. Такой результат моего выстрела произвел не меньшее впечатление, чем разорвавшаяся бомба. От полной неожиданности, Жако крякнул и, несмотря на свою толщину, подскочил на пол аршина, схватившись за залепленный глаз. Я же от ужаса просто застыл с трубкой в руках, а весь класс умирал со смеха, глядя на все это. Жако увидел, что стрелял я и, вне себя от злости, схватил журнал и запустил им в меня, но промахнулся и попал в Кельчевского, усилив этим и без того невероятно громкий хохот. После этого, он пришел в форменное бешенство и бросился ко мне. Я же, не долго думая, вскочил на парту и, прыгая как дикий козел с одной на другую, в момент очутился в коридоре.

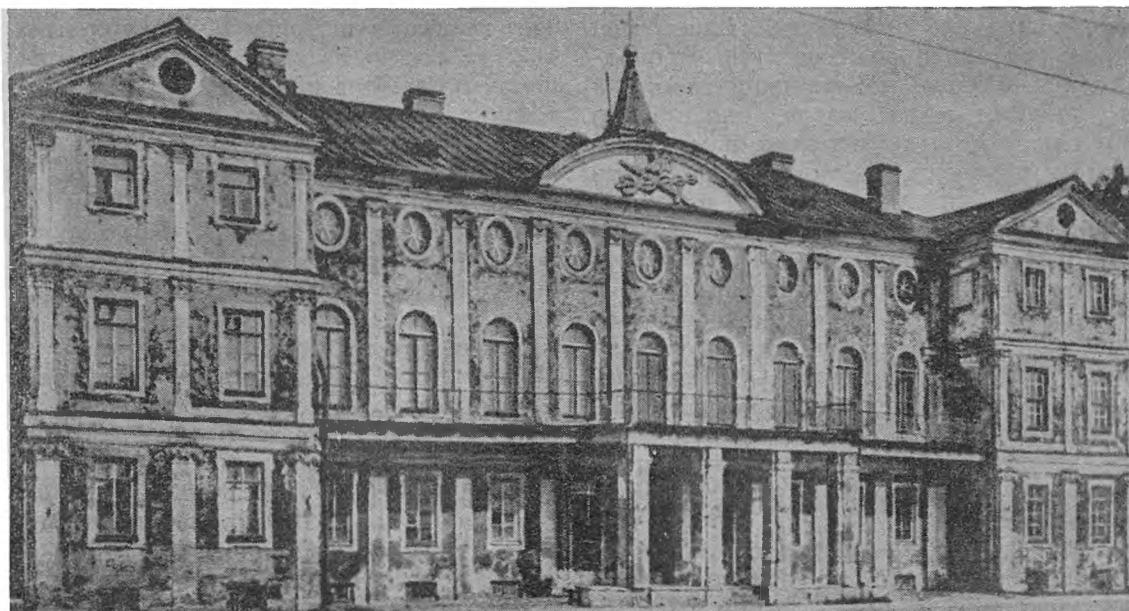
Получился форменный скандал, и дело дошло до директора генерала Верховского, человека старого, но очень доброго, знавшего и любившего кадет. «Дядя Федя» распинался за меня во всю, доказывая, что произошла простая случайность, но ничего не помогло. Мне сбви-

ли два балла в поведении и стало четыре, а это был уже скверный признак. Кроме того, меня вызывал к себе директор, что бывало очень редко, и сказал, что, если я не брошу безобразничать, меня выдерут, а, если и это не поможет — исключат из корпуса. К довершению всех несчастий, по слухам коронации, экзамены были отменены, и я остался на второй год. Впоследствии, если меня кто-нибудь спрашивал, сидел ли я в какомнибудь классе два года, я неизменно отвечал: «сидел в третьем и то по слухам коронации». В дальнейшей моей жизни в корпусе все шло вполне благополучно, без всяких происшествий.

Заканчивая свои воспоминания, скажу, что собирались мы в «Меншиковский дворец» со всех концов России десятилетними мальчишками разных национальностей, но наши воспитатели очень скоро сумели нас сбить в одно целое и слова «инородец» мы просто не знали, живя одной дружной семьей. Многие, и я в том числе, в Петербурге родственников не имели, но нас всегда отпускали погулять на Невский и зайти посидеть в кафе. Для нас, приехавших из глухих углов России, этот огромный город был просто жуток и в первые годы мы высчитывали дни и часы, оставшиеся до отъезда нашего по домам на праздники Рождества Хри-

стова или каникулы. Ехали мы во все концы России и многие — за тысячи верст. Осетины и горцы — на Тerek, татары — в Казань и Астрахань, грузины — в свой родной Тифлис, а армяне — на самую границу. Уезжали все, в разные дни и никаких вагонов для учащихся в то время не было. Наше начальство, развивая у нас самостоятельность, давало нам в этом отношении полную свободу. Сами мы выбирали поезд, ехали на вокзал, покупали билет и садились в вагон 3-го класса. Когда я перешел во второй класс, то поехал уже один на летние каникулы. Проехал по Николаевской жел. дороге до станции Вышний Волочек, а дальше 126 верст лесной дорогой. Ехал, не останавливаясь и ночью, уткнувшись в одиночество в угол огромного тарантаса, переменив на пяти станциях почтовых лошадей. Таким образом ехал не один я, а и все остальные, чьи дома были за тысячи верст от Петербурга. В большинстве случаев все порохило благополучно, но, если встречалось препятствие, мы находили способ его преодолеть без посторонних советов. Так наше начальство в короткий срок умело внушить нам, детям, что кадет никогда не должен теряться.

Александр Ветлиц

Первый Кадетский Корпус (Дворец Меншикова)

РУССКОЕ ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ

19-го ВЕКА

ОТ АВТОРА

Настоящая монография предназначается как руководство для собирателей русского холодного оружия и для музеиных работников. В ней будет дано подробное описание всех официально утвержденных образцов палашей, шпаг, сабель и шашек, бывших на вооружении российских войск в продолжении 19-го века.

Автор по опыту знает, как трудно бывает иногда определить тот или иной образец хо-

лодного оружия, не имея под руками точного и систематического руководства, а такового у нас до сего времени не имелось.

Казалось бы, что трудно составить впервые такое руководство, работая за рубежом, но автор, по счастию, является обладателем собрания русского холодного оружия, которое включает почти все описываемые образцы.

ВВЕДЕНИЕ.

Начало 19-го века в России совпадает с началом нового царствования и одновременно с началом многолетней борьбы с Наполеоном. В течение этой борьбы, освещенной заревом московского пожара и увенчанной вступлением русских войск в Париж, русская армия была реорганизована и во много крат увеличена. Улучшено и увеличено было также и производство холодного оружия.

Русское холодное оружие конца 18-го века было весьма схоже с прусским. Вот как объясняет это явление наш знаменитый военный историк и формовед Висковатов: «Император Петр III-й, питавший особое уважение к Королю Прусскоому Фридриху Великому и, находясь полезными его воинские учреждения, желал ввести их и в Российской Армии и в краткосрочное свое царствование установил, как в ее устройстве, так и в одежде и вооружении, значительные перемены, в коих для образца были приняты Прусские войска, покрывшие себя славою в продолжительной борьбе с главнейшими державами Европы». То же самое можно повторить и о его сыне Императоре Павле I-м.

С началом царствования Императора Александра I прусское влияние начинает уступать место влиянию французскому. Старый гений Фридриха Великого померк в лучах славы но-

вого величайшего гения — Наполеона.

У нас русских существует манера критиковать эти иноземные влияния на наше военное искусство, но критики обычно забывают, что устройство нашей регулярной армии и искусство ведения регулярного боя были заимствованы нами от Запада. Так смотрел на это дело Петр Великий, поднимавший в день Полтавской победы заздравный кубок за своих учителей — шведов. Россия, конечно, многому научилась от таких великих полководцев Запада, какими был Карл XII-й, Фридрих Великий и Наполеон, и их влияния на развитие русского военного искусства было, несомненно, благотворно.

Русский военный гений выявился с необычайной силой в победоносной войне с Наполеоном, после чего уже не русские заимствуют формы и вооружение от пруссаков, но наоборот, пруссаки начинают вводить у себя одежду и вооружение русских образцов.

Французское влияние на русское холодное оружие достигло своего апогея в начале царствования Императора Николая I-го, когда единственным отличием русского оружия от французского были клейма. Затем французское влияние начинает уступать место влиянию восточному или, точнее, Кавказскому. К середине 19-го века, из слияния этих двух вли-

яний — французского и кавказского, выработался основной тип русского холодного оружия — русская шашка.

Царствование Императора Александра II-го наиболее богато различием образцов холодного оружия, бывших на вооружении российских войск. Затем, в самом начале царствования Императора Александра III-го, была произведена реформа, известная под названием «системы 1881 года», сведшая все боевое холодное оружие к единому образцу. Такова в общих чертах история русского холодного оружия 19-го века. Теперь обратимся к состоянию вооружения российских войск в начале рассматриваемого нами периода, а также к способам производства холодного оружия в России в конце 18-го и начале 19-го веков.

СОСТОЯНИЕ ВООРУЖЕНИЯ ВОЙСК В НАЧАЛЕ 19-ГО ВЕКА.

В конце 18-го и начале 19-го веков еще не существовало того однообразия в вооружении войск, которое мы привыкли видеть в наши дни, да и само оружие было неоднородно, так как изготавлялось оно ручным способом оружейными мастерами, работающими на дому. Общая производительность была невелика. Одно дело было утвердить новые образцы холодного оружия, другое — изготовить его в достаточном количестве и произвести перевооружение. Холодное оружие поэтому оставалось в воинских частях весьма долгое время — до прихода в полную негодность. На вооружении одних и тех же воинских частей находилось оружие различных образцов и различных царствований. Широко применялись различные переделки. К эфесам одного образца приставлялись клинки другого.

В делах Оружейного Отделения Главного Артиллерийского Управления сохранились интересные сведения о том, как производилось в 1817 году перевооружение Нижегородского драгунского полка: «Нижегородский драгунский полк доносит, что состоящих в оном 527 палашей, отмененных в полках употреблением, не может он сдать за неполучением сабель», а из свидетельства при сдаче видно, в каком состоянии было это оружие: «при оных палашах и саблях эфесы, частью спаянные, надломлены и вовсе сломаны, полосы опасные, вызубрены, сточенные, проржавленные, ножны кожею перегоревшие, наконечники и гайки изломлены и со сквозными дырами и вообще старого образца» (дело 1-го стола 1818 г. № 209). Заметим, что, кроме плачевного состояния, в котором находилось это оружие, оно было также и неоднородно, так как на вооружении нижегородских драгун были и палаши, и сабли.

Но и сданное в таком виде оружие не шло на слом, отсыпалось в различные мастерские для починки и переделки. В 1826 году Командующий Санкт-Петербургским Арсеналом доносил, что: «оружейная мастерская вверенного мне склада занимается вся таковою переделкою 3858 палашей и 13000 сабель, и по сделанному предварительному испытанию оказалось 20 палашей и 20 сабель переделано 17-ю человеками в 7 дней — следовательно на переделку помянутого количества палашей и сабель потребуется 8 лет, включая и праздничные дни» (Архив Главного Артиллерийского Управления Штаба Генерал-Фельдцейхмейстера 1826 г. № 3126).

В начале царствования Императора Николая I-го, когда были утверждены новые образцы холодного оружия, совершенно подобные французским образцам, широко применялась переделка французского трофейного оружия — к французским эфесам приставлялись русские клинки и наоборот. Оружие этих образцов оставалось на вооружении российских войск вплоть до начала I-й мировой войны, то есть в продолжении 87 лет.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ В 18-М И 19-М ВЕКАХ.

Главным центром производства холодного и огнестрельного оружия в России в 18-м веке была Тула, где еще в конце 16-го века в Кузнецкой казенной слободе были поселены «самопальные мастера». Тульские оружейники составляли особое сословие, работавшее под строгим надзором правительства. Все оружейники были записаны в особую книгу. Выход из сословия и даже самовольные отлучки им не разрешались. Каждому мастеру был положен годовой «урок» или казенный заказ по установленным ценам. За невыполнение «урока» грозило строгое наказание. Только по выполнении «урока» оружейник имел право работать на себя. За качеством производства следили особые приемщики. Приемщикам, принялшим брак, закон сулил «наказание кнутом и взятие великой пени». Всей слободой заведовал назначаемый правительством начальник.

С другой стороны тульские оружейники пользовались известными правами и привилегиями. Они были освобождены от «посадского тягла», т. е. от всех податей и повинностей, включая и рекрутскую повинность. Они получали от правительства денежные ссуды, а также и кредит на железо, лес и даже муку. Им были даны казенные усадебные земли.

При Петре Великом тульские оружейники были организованы в цехи: стальной, замоч-

ный, приборный, ложевой, белого оружия и пр. Каждый цех имел выборного старосту, сотенных и браковщиков. По делам общественным оружейники были подведомствены суду цехового разряда, по делам уголовным — военному суду, по полицейской части — особому «полицеймейстеру». Император Петр Великий уделял тульским оружейникам много внимания, особенно ввиду того, что спрос на их изделия постоянно увеличивался. Прежняя норма в 2000 фузей в год, ввиду непрерывных войн, была увеличена до 15.000.

Для повышения продукции и для лучшего надзора решено было посторить в Кузнецкой слободе казенный оружейный двор и перевести туда всю работу. Первый казенный оружейный двор был построен в 1705 году, однако перевести туда полностью работу не удалось, так как оружейники предпочитали работать у себя на дому. Из донесений начальника Кузнецкой слободы Чулкова видно, что на оружейном дворе работали только замочники и приборщики. Как Чулков начальствовал над оружейниками видно из его донесений князю Волконскому, ведавшему при Петре Великом всем оружейным делом: «Живу я в оружейной слободе неотлучно и оружейным мастерам подтверждаю с пристрастием, чтоб они ружье делали с великим поспешением денно и нощно и против образцов в сходство, и для того каждого дни по мастерам езжу и многих бью батаги» — или — «По твоим государь письмам об оружейном деле ей-ей усердно радею, как пуще того быть невозможно, что каждого дни человек по десять бью батаги. Приборщиков и замочников на оружейном дворе зело понуждаю в деле, не только что днем дать отдохнуть, но и ночью спать не даю».

В 1714 году на реках Упе и Тулице были построены казенные «вододействующие» заводы с точилами и станками для сверления стволов. За пользование казенными машинами оружейные мастера платили по установленной расценке. Применение машин сильно повысило производство. На машине для обтирания стволов, построенной тульским оружейником Батищевым, обтирали по 16 стволов в сутки, тогда как ручным способом обтирали только два ствола.

Одновременно с построением «вододействующих» заводов было решено построить новый оружейный двор «дабы то ружье делать всеми мастеровыми людьми на том оружейном дворе безостановочно: а по домам, где кто живет, ружья впредь отнюдь не делать». Новый оружейный двор был каменный «для проку и опасения пожарного случая» и гораздо больших размеров чем первый. Но и на этот раз правительству не удалось принудить мастеров работать на оружейном дворе. Тульские оружейни-

ки противились «коллективизации» и подали прошение Генерал-Фельдцейхмейстеру Брюсу о том, чтобы им дозволено было попрежнему работать у себя на дому. Ответом на это прошение было предписание: «Оружейных кузнецов на каменный двор по указу не переводить, а делать им ружье попрежнему в домах своих».

Число оружейников постепенно возрастало — в 1704 году их было всего 749 человек, но в 1760 году их было уже 4443 человека, а в 1847 году число их достигло 19000. Постепенно из общей среды тульских оружейников начали выделяться наиболее искусные и предприимчивые мастера, имевшие уже свои собственные фабрики. В 1782 году оружейникам был разрешен выход по капиталам в купцы. Этим разрешением воспользовались в том же году около 300 человек. Из этой верхушки тульских оружейников вышли знаменитые заводчики Демидовы, Баташевы, Масоловы и др.

Тульские оружейники работали великолепно. Императрица Екатерина II-я, посетив Тулу, отметила «отличную охоту и способность мастеров, изделия которых во всех частях не уступают самым прославившимся в сем роде иностранным художникам». В наказе комиссии о Тульском оружейном заводе говорилось: «Испытанием доказано, что Империя Наша во многих благополучно и славно оконченных войнах защищалась оружием дела сего завода, дознав недостатка ни в числе мастеров и работников, ни в искусстве их, от времени далее возрастающем».

Тульские оружейники были не только выдающимися мастерами, но и горячими патриотами. Особенно это сказалось в Отечественную войну. В одном из своих рапортов Артиллерийскому Департаменту Командир завода генерал Ворнов писал: «Соразмеряя отечественным нуждам и усиливая рвение свое трудились они и день и ночь, все праздничные и все табельные дни, определенные для свободы и отдохновения от трудов, употребляли на одно только дело оружия, торжествуя в трудах, отечеству посвященных. Такова есть жертва оружейников».

В 1864-1867 гг., вслед за освобождением крестьян, последовало освобождение военно-заводского населения. Тульские оружейники были освобождены от всех обязательных отношений с заводом, причем им даны были следующие льготы: казенные усадебные земли поступали в их собственность; все казенные лотги за провиант железо и пр., а также и все полученные от казны ссуды слагались; оружейники, проработавшие на заводе не менее 20 лет, освобождались от всех повинностей пожизненно.

После освобождения большинство оружей-

ников осталось на насиженных местах и продолжало заниматься своим ремеслом.

Холодное оружие тульской работы было высокого качества и ничем не уступало оружию западному. Еще в 17-м веке в Туле были выработаны несколько сортов «сварочного булат», который получается сваркой стальных и железных полос в самых различных сочетаниях. Отличительной чертой сварочного булага является узорный рисунок, выступающий на его поверхности, напоминающий рисунок на орденских лентах. Сварочный булат известен также под названием «дамасской стали». Из тульского сварочного булага выделялись отличные клиники.

Кроме Тулы, оружейные заводы существовали в Сестрорецке (основан в 1721 году); в Олонецке, где преимущественно выделялось холодное оружие; в Ижевске (основан в 1807 году) и в Златоусте, где ранее уже существовал железноделательный и чугунолитейный завод.

Златоустовской оружейной фабрики, на которой производилось впоследствии большинство нашего холодного оружия, в начале царствования Императора Александра I-го еще не существовало. Вопрос об учреждении при Златоустовском оружейном заводе, выделявшем огнестрельное оружие, специальной фабрики для выделки холодного оружия был впервые поднят в 1811 году. Тогда же начались переговоры с некоторыми оружейными мастерами из Золингена об условиях вступления их на русскую службу, «но происшествия незабвенного 1812 года и начавшиеся в самой Германии военные действия остановили ход сего предприятия, но вскоре он был возобновлен, и в 1814 году были заключены новые условия с мастеровыми. На сих условиях Золингенские оружейники прибыли в Россию и были поселены на Златоустовском оружейном заводе Оренбургской губернии. Точность, с которой Правительство исполнило обязательства с сими первыми выходцами, возбудила доверие и желание единоземцев их к переселению, и они постоянно приезжали сюда в течение 1814, 1815, 1816, а также 1817 г.», как из Солингена так и из соседственных оружейных заводов». (Выписка из доклада Министра Финансов от 30 мая 1819 г.).

В 1817 году последовало Высочайшее повеление о сосредоточении изготовления холодного оружия на одной только Златоустовской фабрике (дело 1 стола Оружейного Отделения Главного Артиллерийского Управления 1817 г. № 112). Однако холодное оружие продолжало выделяться на других заводах и после этого повеления. В собрании автора, например, имеются образцы холодного оружия, с надписью на клинках: «Тула 1827 г.».

В 1816 году на Златоустовской фабрике работало 62 иностранных мастера и 480 русских мастеровых. На 1817 год фабрике давалось задание выпустить: палашей кирасирских — 4000, палашей драгунских — 4000, сабель 4000 и тесаков — 18000, всего 30000 предметов.

В Златоусте все работы производились на казенном заводе и частных оружейных мастеров не существовало, поэтому изделия Златоустовской оружейной фабрики отличаются гораздо большим однообразием, чем изделия тульских оружейников. Фабрика была разделена на цехи. Во главе каждого цеха стоял иностранный мастер и иностранные подмастерья, а также «потребное число для обучения мастерствам русских мастеровых». Позднее, как подмастерья, так и мастера были русские. Для наблюдения за производством и за тем, «чтобы по оному не было употребляемо излишнего числа припасов», в каждый цех назначался офицер.

Среди иностранных мастеров были специалисты по литью стали, по ковке и полировке клинков, по литью эфесов и по изготовлению ножен.. Весьма интересен список иностранных мастеров и их окладов, составленный в 1819 году: Карл Вольферц с двумя сыновьями из Золингена, специалисты по ковке клинков — оклады, отцу 1800 рублей в год, сыновьям 1000 и 300 рублей в год; Бриннер, Берtram и Шлинц, специалисты по рафинированной стали получали по 1500 рублей в год каждый; Николай Шааф с тремя сыновьями из Эльберфельда получали — отец и старший сын по 1500 рублей в год, два младших сына по 400 руб. в год. Это был тот самый Шааф, который впоследствии создал знаменитую фабрику холодного оружия «Шааф и съя С. П. Б.».

Русские мастеровые, как и на прочих казенных заводах, набирались путем рекрутских наборов. По сравнению с иностранными мастерами, заработка их был невелик — для рядового рабочего 15 копеек в день. Рабочим, получавшим менее 100 рублей в год, выдавался также провиант. Кроме того, рабочие имели участки земли и в летние месяцы им давались отпуска «для собственной страды». Как только рабочий получал достаточную квалификацию, его переводили в разряд подмастерьев, а потом и мастеров, с соответствующими повышениями заработной платы». «Для поощрения к лучшему поведению и к лучшим успехам в мастерствах и художествах», мастера получали награды, их заносили в особые списки и они были изъяты от телесного наказания.

В случаеувечия или по старости, после 35-летней службы рабочим выдавалась пенсия. При фабрике имелся госпиталь на 45 кроватей.

Дело изготовления холодного оружия на Златоустовской оружейной фабрике шло хорошо, хотя первые годы задания правительства и не довыполнялись. Особенно хорошо с самого начала было поставлено дело изготовления так называемого «украшенного», т. е. специально изготовленного оружия, с богато украшенными клинками и эфесами. Уже за первую доставку «украшенного» оружия в Петербург в 1817-1818 г.г., златоустовские мастера получили Высочайшее одобрение и 10.000 рублей награды «для поощрения к достижению вящего совершенства в выделке оружия (отношение Департамента Горных и Соляных дел к директору Златоустовской Оружейной Фабрики о награждении мастеров в 1817-1818 г.г.). «Украшенное» оружие изготавлялось обычно по правительенным заказам, для поднесения Высочайшим особам или для подарков иностранным гостям, а также для награждения отличившихся. Партии «украшенного» оружия отправлялись в Петербург ежегодно, причем Горный Департамент предписывал: «Требуется, чтобы на каждый год была такая доставка, и как таковые оружия будут свидетельством больших или меньших успехов фабрики, то есть ее обязанность начальства должны состоять в том, чтобы последующая доставка всегда превосходила в совершенстве предыдущую».

Большое количество «украшенного» оружия было поднесено Императору Александру I-му во время посещения им Златоуста в 1824 году. Государю поднесли 12 шпаг и сабель высокожудоственной работы, с украшенными позолотой клинками. Тут было и бегство Наполеона из Москвы, и переход российских войск через Березину и, наконец, одна сабля с изображением встречи Императора Александра I-го в Златоусте, с надписью: «Государю Императору счастливый Златоуст».

Ведомость «украшенного» оружия за 1826-1827 г.г. упоминает уже выполнявших рисунки и позолоту русских мастеров Ивана Бушueva и Ивана Бояршинова. Первый изобретал рисунки, второй гравировал их. Некоторые из этих рисунков отличаются сложностью и высокой художественностью сюжетов из русской военной жизни.

Постепенно русские мастера заменили со старившихся и уходивших в отставку золингеновских мастеров: Петр Уткин ковал клинки, Ларион Лукин золотил эфесы, Степан Шляхтин изготавлял и лакировал ножны. При распределении наград за 1837 год, т. е. ровно через 20 лет после открытия фабрики, из 42 мастеров только 10 были иностранцы, остальные 32 — русские.

К середине 19-го века большинство русско-

го холодного оружия изготавлялось уже на Златоустовской оружейной фабрике. Производство оружия было уже в значительной мере механизировано, и вооружение войск приобрело то единобразие, какое существовало в наши дни. Что же касается качества, то русское холодное оружие не только не уступает западному, но обычно превосходит его, как по рисунку, так и по отделке.

НОМЕНКЛАТУРА.

Описываемое нами холодное оружие состоит из 3-х элементов: клинка, эфеса и ножен. Эфес и ножны, в свою очередь, состоят из нескольких составных частей:

КЛИНОК может быть прямым или искривленным. Он может быть обоюдоострым или же заостренным лишь с одной стороны. Заостренная сторона именуется «лезвием», а незаостренная — «обухом». На некоторых клинках имеются продольные углубления, именуемые «долами»

ЭФЕС состоит из: «гарды», «рукояти», «головки» и «чашек». Рукоять имеется у всех эфесов, но гарда, головка и чашки на некоторых эфесах могут отсутствовать. Гарда состоит из одной или нескольких «дужек» или же может быть орнаментальной. На нижней части гарды иногда бывает «крыж», который верхней своей частью вдается в рукоять, а нижней — выступает над ножнами. Задний конец гарды образует «костылек». На внутренней стороне эфеса иногда бывает «малая гарда» для защиты большого пальца. Рукоять обычно насаживается на клинок, или же может состоять из двух «щечек», приклепанных ко клинку. Головка помещается над рукоятью. Некоторые головки образуют планку, покрывающую спинку рукояти. Иногда головки заканчиваются отдельными «шляпками». Клинок прикрепляется к головке, или же привинчивается к эфесу при помощи шляпки. Чашки помещаются под гардой. У некоторых образцов чашки сливаются в одно целое с гардой.

НОЖНЫ: бывают железные или кожаные (т. е. обычно деревянные, покрытые кожей). Железные ножны имеют «гайки» с кольцами для портупеи. Кожаные ножны имеют железные или медные верхний и нижний наконечники, а иногда и гайки с кольцами для портупеи. Верхний наконечник может быть с крючком для портупеи. На гайках ножен нижних чинов иногда имеются «гнезда» для штыка или штыковых ножен. На нижнем наконечнике иногда бывает «гребень».

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-ГО.

В день восшествия на престол Императора Александра I-го, 1 марта 1801 года, российские войска были вооружены семью образцами холодного оружия предыдущего царствования:

Гвардейские кирасиры были вооружены гвардейскими кирасирскими палашами.

Армейские кирасиры были вооружены армейскими кирасирскими палашами.

Драгуны были вооружены драгунскими палашами, за исключением драгун Кавказской Инспекции, которые были вооружены легко-кавалерийскими саблями.

Вне строя офицеры кирасирских и драгунских полков носили кавалерийские шпаги.

Гусары были вооружены легко-кавалерийскими саблями.

Казаки были вооружены собственными саблями различных образцов, за исключением лейб-казаков, которые были вооружены легко-кавалерийскими саблями.

Конно-артиллеристы были вооружены особыми конно-артиллерийскими палашами.

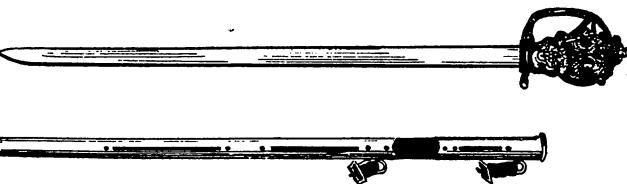
Пехотные офицеры, офицеры пешей артиллерии и офицеры Инженерного Корпуса носили шпаги пехотного образца.

1. ГВАРДЕЙСКИЙ КИРАСИРСКИЙ ПАЛАШ: клинок прямой, обоюдоострый, без дол. Эфес медный, у офицеров вызолоченный. Гарда состоит из одной дужки и из орнаментального двуглавого орла, образующего наружную сторону гарды. В нижней своей части гарда сливается с чашкой. Верхняя часть гарды присоединена к головке на двух винтах. Головка в виде овального шарика, с отдельной шляпкой, при помощи которой клинок привинчивается к эфесу. На внутренней стороне эфеса имеется малая гарда. Рукоять покрыта кожей и обвита плетеной проволокой. Ножны кожаные, с железными или медными, у офицера вызолоченными, верхними и нижними наконечниками, покрывающими почти все ножны. На наконечниках имеются прорези. На верхнем наконечнике — одна продольная и 3 круглых, а на нижнем — 2 продольных и 5 круглых. На верхнем наконечнике офицерских ножен имеется крючек, а на наконечниках солдатских ножен имеются кольца для портупеи.

В собрании автора имеется палаш этого образца. Длина клинка — 82 см.

Палаши этого образца носились позднее и в железных ножнах, с двумя гайками с кольцами и с гребнем на конце.

Существует другой образец гвардейского кирасирского палаша, вероятно появившийся уже в начале царствования Императора Александра I-го.

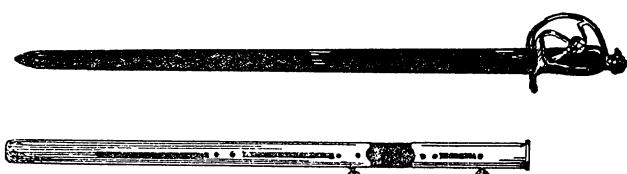
2. ГВАРДЕЙСКИЙ КИРАСИРСКИЙ ПАЛАШ: клинок прямой, заостренный с одной стороны, с одной широкой и одной узкой долами. Эфес медный, у офицеров вызолоченный. Гарда состоит из одной дужки и из орнаментального двуглавого орла, образующего наружную сторону гарды. В нижней своей части гарда сливается с чашкой. Верхняя часть гарды присоединена к головке на двух винтах. Головка в виде овального шарика, с отдельной шляпкой, при помощи которой клинок привинчивается к эфесу. На внутренней стороне эфеса имеется малая гарда. Рукоять покрыта кожей и обвита плетеной проволокой. Ножны подобны предыдущим.

В собрании автора имеется офицерский палаш этого образца. На наружной стороне клинка выгравирован двуглавый орел, а на внутренней — вензель Императора Александра I-го под императорской короной. На нижней стороне чашки эфеса выгравированы буквы: «Л Г К П». Длина клинка — 85 см.

Гвардейские кирасиры носили также и армейские кирасирские палаши.

3. АРМЕЙСКИЙ КИРАСИРСКИЙ ПАЛАШ: клинок прямой, обоюдоострый, без дол. Эфес железный или медный, у офицеров вызолоченный. Гарда состоит из 4-х дужек, из которых две средние перекрещиваются на подобие букви «Х», с кружком посередине, на котором у офицеров имелось изображение двуглавого орла. Гарды этого рода именуются «решетчатыми». В нижней своей части гарда сливается с чашкой. Верхняя часть гарды присоединяется к головке. Головка в виде орлиной

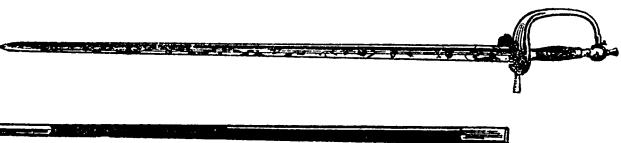
головки. На внутренней стороне эфеса имеется малая гарда. Рукоять покрыта кожей и обвита плетеной проволокой. Ножны подобны ножкам гвардейских кирасирских палашей.

В собрании автора имеется палаш этого образца. Длина клинка — 82 см.

4. ДРАГУНСКИЙ ПАЛАШ: клинок прямой, обоюдоострый, без дол. Эфес железный или медный, у офицеров вызолоченный. Гарда решетчатая, подобная гарде кирасирских палашей. Головка в виде львиной головки. На внутренней стороне эфеса имеется малая гарда. Рукоять покрыта кожей и обвита плетеной проволокой. Ножны кожаные, с малым, запущенным под кожу, медным наконечником. Верхний наконечник с крючком для портупеи. Позднее драгунские палаша, подобно кирасирским, носились в железных ножнах.

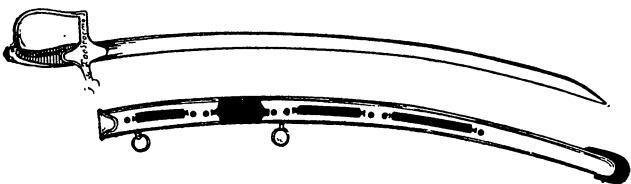
В собрании автора имеется палаш этого образца. Длина клинка — 82 см.

Палаша с решетчатыми эфесами были на вооружении кирасир и драгун в продолжении всего 18-го века, поэтому встречаются палаша этого образца с клинками, на которых выгравированы вензеля Императрицы Елизаветы Петровны, Императора Петра III-го и Императрицы Екатерины II-й. Подобные же палаша были на вооружении кирасир и драгун прусской армии.

6. ЛЕГКО-КАВАЛЕРИЙСКАЯ САБЛЯ: клинок искривленный, заостренный с одной стороны, но с концом заостренным и со стороны обуха, с одной широкой долой. Эфес железный или медный, у офицеров вызолоченный. Гарда состоит из одной лишь дужки, которая в нижней своей части преломляется под прямым углом. Нижняя часть гарды с крыжем. Верхняя часть гарды присоединена к головке. Головка переходит в планку, покрывающую спинку рукояти. Рукоять покрыта кожей и обвита плетеной проволокой. Ножны кожаные, с железными или медными, у офицеров вызолоченными, верхними и нижними наконечниками, покрывающими почти все ножны. На наконечниках имеются прорези — на верхнем наконечнике одна продольная и три круглых, а на нижнем — две продольных и пять круглых. Наконечники имеют кольца для портупеи.

В собрании автора имеется сабля этого образца, с изображением двуглавого орла на обеих сторонах клинка. Длина клинка — 80 см.

5. КАВАЛЕРИЙСКАЯ ШПАГА: клинок прямой, заостренный с одной стороны, с одной широкой долой. Эфес медный, вызолоченный. Гарда состоит из одной дужки, в которую в нижней части врезана сердцевидная чашка. Верхняя часть гарды привинчена к головке. Головка в виде овального шарика, с отдельной шляпкой, при помощи которой клинок привинчивается к эфесу. Ножны кожаные, с медными, вызолоченными, верхним и нижним наконечниками, из которых верхний с крючком для портупеи.

В собрании автора имеется несколько шпаг этого образца различных размеров, так как шпаги делались на заказ, по росту.

Этот образец шпаги появился вероятно уже в царствование Императора Александра I-го, ибо шпаги 18-го столетия несколько иного образца. Эфес несколько напоминает эфесы солдатских тесаков конца 18-го столетия. Кавалерийские шпаги этого образца сохранились без изменения вплоть до наших дней.

7. КОННО-АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ПАЛАШ: клинок прямой, обоюдоострый, без дол. Эфес медный, у офицеров вызолоченный. Гарда состоит из одной дужки. Верхняя часть гарды привинчена к головке. Под гардой находятся две чашки. Головка в виде овального шарика. Рукоять сплошь покрыта медной, у офицеров высеребренной, плетеной проволокой. Ножны кожаные, с медными, у офицеров вызолоченными, верхним и нижним наконечниками, из которых верхний с крючком для портупеи. Длина клинка — 86 см.

8. ПЕХОТНАЯ ШПАГА: клинок прямой, заостренный с одной стороны, с одной широкой долой. Эфес медный, вызолоченный. Гарда состоит из одной дужки. Под гардой находятся

две чашки. Верхняя часть гарды прикреплена к головке. Головка заканчивается отдельной шляпкой, при помощи которой клинок привинчивается к эфесу. Гарда и головка украшены орнаментом. Рукоять сплошь обвита плетеной, высеребренной проволокой. Ножны кожаные, с медными, вызолоченными верхним и нижним наконечниками, из которых верхний с крючком для портупеи.

В собрании автора имеется несколько шпаг этого образца различных размеров, так как шпаги делались на заказ, по росту.

Пехотные шпаги сохранились без изменения вплоть до наших дней.

Высочайше конфирированными табелями мундирным, амуничным и оружейным вещам, эти 7 образцов были оставлены на вооружении войск.

В 1806 году произошло первое, в царствование Императора Александра I-го, изменение в образцах холодного оружия — драгунам были даны палаши нового образца. Незадолго перед тем французская армия была перевооружена новыми образцами холодного оружия, известными под названием «Оружия системы XI-го года» (1803 г. и в этих новых палашах уже сильно сказывается французское влияние. Позднее многие из образцов оружия «системы XI-го года» были восприняты в русской армии.

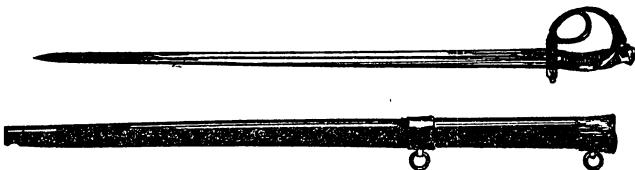
9. ДРАГУНСКИЙ ПАЛАШ ОБРАЗЦА 1806 ГОДА: клинок прямой, заостренный с одной стороны, с двумя равной величины долами. Эфес медный, у офицеров вызолоченный. Гарда состоит из 3-х дужек — одной главной и двух боковых. Главная дужка, в нижней части расширяясь, образует чашку. Верхняя часть гарды присоединена к головке. Головка в виде опрокинутой чашечки, насаженной на рукоять. Рукоять покрыта кожей и обвита плетеной проволокой. Ножны кожаные, с медными, у офицеров вызолоченными, верхними и нижними наконечниками и с одной гайкой. Верхний наконечник и гайка имеют кольца для портупеи. Позднее палаши этого образца носились в железных ножнах, с двумя гайками с кольцами для портупеи и с гребнем на конце.

В собрании автора имеется палаш этого образца. Длина клинка 87 см.

Рескриптом от 28 сентября 1807 года было Высочайше конфирировано награждение офицеров «Золотым оружием». Награждение оружием существовало уже в 18-м веке, но ре-

скриптом от 28 сентября являлся первым официальным установлением этого рода награждения. Рескрипт гласит: «Жалованные Нами и предками Нашими за воинские подвиги генералитету и штаб и обер-офицерам золотые и с надписью шпаги с алмазными украшениями и без оных, яко памятник Нашего к тем подвигам уважения, причисляются к прочим знакам отличия, отчего и повелеваем всех тех, коим такие шпаги доныне пожалованы и пожалованы будут, внести и вносить впоследствии в общий с кавалерами Российских орденов список».

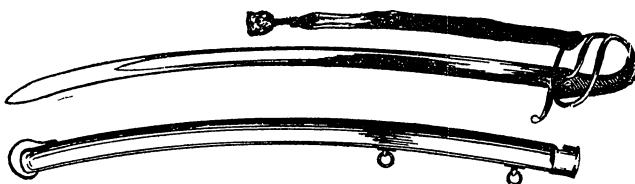
В исключительных случаях «Золотое оружие» имело эфес из чистого золота, но обычно оно отличалось от обычного оружия тем, что имело медные, вызолоченные, рукояти и надписи «ЗА ХРАБРОСТЬ» на различных частях эфеса.

В 1808 году был изменен образец легко-кавалерийских сабель. Изменение это коснулось только гарды эфеса, которой были приданы две дополнительные дужки, подобно французским легко-кавалерийским саблям «системы XI-го года».

10. ЛЕГКО-КАВАЛЕРИЙСКАЯ САБЛЯ ОБРАЗЦА 1809 ГОДА: вполне подобна предыдущей легко-кавалерийской сабле, за исключением гарды эфеса, которая, вместо одной, состоит из 3-х дружек — одной главной и двух боковых.

В 1810 году гвардейским и армейским кирасирам были даны одинаковые палаши нового образца.

11. КИРАСИРСКИЙ ПАЛАШ ОБРАЗЦА 1809 ГОДА: вполне подобен драгунскому палашу образца 1806 года, за исключением ножен, которые с самого начала были железные, с двумя гайками с кольцами и с гребнем на конце.

Во время Отечественной войны российские войска, следовательно, были вооружены следующими образцами холодного оружия: гвардей-

ские и армейские кирасиры — кирасирскими палашами образца 1810 года; гвардейские и армейские драгуны — драгунскими палашами образца 1806 года; гвардейские и армейские гусары, уланы, лейб-казаки и конно — егеря — легко-кавалерийскими саблями образца 1809 года; конно-артиллеристы — конно-артиллерийскими палашами; пехотные офицеры, офицеры пешей артиллерики и офицеры Инженерного Корпуса были вооружены пехотными шпагами.

Сим оружием неприятель был поражен и изгнан из пределов России.

В 1813 году победоносная русская армия вступила в Пруссию. Прусские войска, составлявшие в 1812 году «Вспомогательный КОРПУС» Наполеона, перешли на русскую сторону. Началась «Освободительная война». В Пруссии повсюду формировались добровольческие отряды, которые во всем подражали русским партизанам и которые были отчасти вооружены русским оружием. Прусская гвардия получила обмундирование русского образца. Император Александр I-й пожаловал прусским кавалергардам (Гард дю Кор) 600 русских черных кирас. Теперь уже прусский король «находя полезными русские воинские учреждения, желал ввести их в прусской армии» и делал «значительные перемены в одежде и вооружении прусских войск, в коих для образца были приняты русские войска, покрывшие себя славою в продолжительной борьбе с главнейшими державами Европы».

В 1814 году конно-артиллерийские палаши были заменены легко-кавалерийскими саблями образца 1809 года.

Учрежденным в 1815 году гвардейским и армейским жандармам были даны кирасирские палаша образца 1810 года. Вне строя офицеры этих частей носили кавалерийские шпаги.

В 1817 году был утвержден новый образец кавалерийской сабли, которой были заменены, как легко-кавалерийские сабли образца 1809 года, так и драгунские палаша образца 1806 года.

12. КАВАЛЕРИЙСКАЯ САБЛЯ ОБРАЗЦА 1817 ГОДА: клинок искривленный, заостренный с одной стороны, но с концом заостренным и со стороны обуха, с одной широкой долой. Эфес железный или медный, у офицеров позолоченный. Гарда состоит из трех дужек одной главной и двух боковых. Верхняя часть гарды прикреплена к головке. Головка переходит в планку, покрывающую спинку рукояти. Рукоять покрыта кожей и обвита плетеной про-

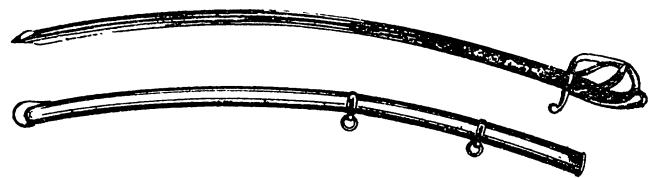
волокой. Ножны железные, с двумя гайками и с кольцами для портупеи и с гребнем на конце.

Учрежденной в 1817 году Гвардейской Фурштатской бригаде даны были кавалерийские сабли образца 1817 года.

Учрежденным в 1819 году Фурштатским баталионам были также даны кавалерийские сабли образца 1817 года.

Учрежденному в 1822 году Конно-Пионерскому эскадрону были даны кавалерийские сабли образца 1817 года.

Более изменений в образцах холодного оружия в царствование Императора Александра I-го не происходило.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-ГО

В день восшествия на престол Императора Николая I-го, 12 декабря 1825 года, российские войска были вооружены четырьмя образцами холодного оружия предыдущего царствования:

Гвардейские и армейские кирасиры и жандармы были вооружены кирасирскими палашами образца 1810 года, вне строя офицеры этих полков носили кавалерийские шпаги.

Гвардейские и армейские драгуны, гусары, уланы, конно-егеря, лейб-казаки, конно-артиллеристы, конно-пионеры и фурштат были вооружены кавалерийскими саблями образца 1817 года.

Пехотные офицеры, офицеры пешей артиллерики и офицеры Инженерного Корпуса носили пехотные шпаги.

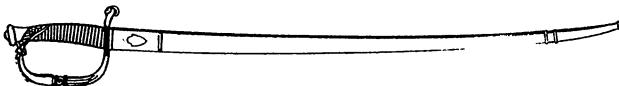
Царствование Императора Николая I-го началось введением в русской армии французских образцов холодного оружия, но затем западное влияние начинает уступать место восточному, или, вернее, кавказскому влиянию. Из слияния этих двух влияний образовался основной тип русского холодного оружия — русская шашка.

В начале царствования Императора Николая I-го было произведено перевооружение войск новыми образцами холодного оружия, совершенно подобными образцам, бывшим на вооружении французской армии. Столъ схожи были эти новые русские образцы с французскими, что единственным отличием являются

русские или французские клейма на клинках и эфесах. При этом, по всей вероятности, было переделано большое количество французского трофейного оружия, хранившегося в различных арсеналах, поэтому иногда встречаются образцы этого холодного оружия, с французскими эфесами и русскими клинками.

В 1826 году пехотные шпаги были заменены офицерскими пехотными саблями нового образца, вполне подобными французским офицерским пехотным саблям образца 1821 года. Пехотные же шпаги были сохранены лишь у генералов и военных чиновников.

13. ОФИЦЕРСКАЯ ПЕХОТНАЯ САБЛЯ ОБРДАЗЦА 1826 ГОДА: клинок искривленный, заостренный с одной стороны, но с концом заостренным и со стороны обуха на расстоянии нескольких сантиметров, с одной широкой и одной узкой долами. Эфес медный, вызолоченный. Гарда состоит из одной дужки, которая, в нижней своей части разветвляясь и расширяясь, образует вторую малую дужку и чашку. Верхняя часть гарды присоединена к головке. Головка в виде опрокинутой чашечки, насаненной на рукоять. Головка и гарда украшены орнаментом. Рукоять покрыта кожей и обвита плетеной проволокой. Клинок приклепан к головке. Ножны кожаные с медными, вызолоченными, верхними и нижними наконечниками. Верхний наконечник с крючком. Нижний наконечник заканчивается шариком. Этот образец сабель неофициально назывался «полусаблей».

В собрании автора имеются две сабли этого образца:

1. На обухе надпись: «ТУ 1827». Длина клинка — 78 см.

2. На обухе надпись: «ТУ 1827». Длина клинка — 74 см.

В том же 1826 году был утвержден новый образец кирасирского палаша, вполне подобный французскому кирасирскому палашу образца XI года.

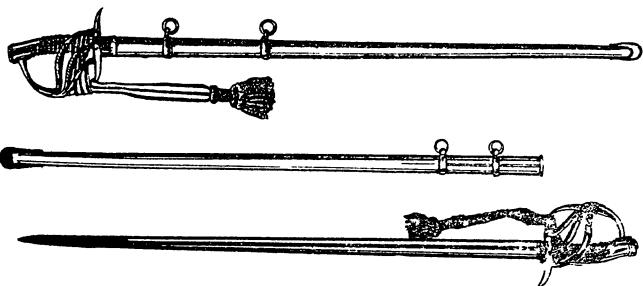
14. КИРАСИРСКИЙ ПАЛАШ ОБРАЗЦА 1826 ГОДА: клинок прямой, заостренный с одной стороны, но с концом заостренным и со стороны обуха на расстоянии нескольких сантиметров, с двумя равной величины долами. Эфес медный, у офицеров вызолоченный. Гарда состоит из 4-х дужек — одной главной и трех боковых. В нижней своей части гарда, расширяясь, образует плоскую чашку. Верхняя часть гарды присоединена к головке. Головка в виде опрокинутой чашечки, насаненная-

ной на рукоять. Клинок приклепан к головке, но у офицерских палашей сверх головки иногда имеется отдельная шляпка, при помощи которой клинок привинчивается к эфесу. Рукоять покрыта кожей и обвита плетеной проволокой. Ножны железные, с двумя гайками с кольцами и с гребнем на конце.

В собрании автора имеются 2 офицерских и один солдатский палаш этого образца:

1. Офицерский палаш «Золотое оружие», с узким, почти шпажным, клинком, с медной, вызолоченной рукоятью эфеса и с повторенной два раза на боковых дужках эфеса надписью «ЗА ХРАБРОСТЬ». Длина клинка — 90 см.

2. Офицерский палаш, с узким, почти шпаж-

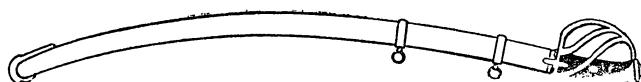

ным, клинком с орденом Св. Анны 4-ой ст. на головке и с надписью «ЗА ХРАБРОСТЬ» на чашке эфеса. Длина клинка — 88 см.

Палаши этого образца оставались на вооружении кирасир до конца 19-го века.

В следующем 1827 году был утвержден новый образец кавалерийской сабли, несколько различный у офицеров и у солдат. Солдатские сабли были совершенно одинаковы с французскими легкокавалерийскими саблями образца XI-го года. Офицерские же сабли были более своеобразны и, по всей вероятности, выработались самостоятельно на русской почве.

15. СОЛДАТСКАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ САБЛЯ ОБРАЗЦА 1827 ГОДА: клинок искривленный, заостренный с одной стороны, но с концом заостренным и со стороны обуха на расстоянии нескольких сантиметров, с одной широкой долой. Эфес медный. Гарда состоит из трех дужек — одной главной и 2-х боковых. Верхняя часть гарды присоединена к головке.

Нижняя часть гарды с крыжем. Головка соединена с пленкой, покрывающей спинку рукояти. Рукоять покрыта кожей, на которой имеются желобки. Клинок приклепан к головке и кроме того скреплен с рукоятью особой заплекой, проходящей сквозь рукоять, концы

которой прикрыты медными бляшками. Ножны железные, с двумя гайками с кольцами и с гребнем на конце.

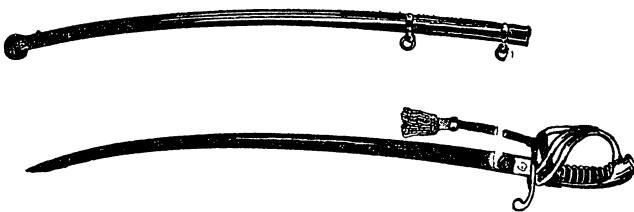
В собрании автора имеется сабля этого образца, с надписью на обухе клинка: «ЗЛАТОУСТЬ, АВГУСТА 1831 ГОДА». На нижней части гарды выбиты буквы: «Л Г В Г Г П». На главной дужке выбиты латинские буквы: «I H С», следовательно эфес этой сабли французского происхождения. Длина клинка — 88 см.

Сабли этого образца оставались на вооружении кавалерии до наших дней.

16. ОФИЦЕРСКАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ САБЛЯ ОБРАЗЦА 1827 ГОДА: клинок искривленный, заостренный с одной стороны, различных образцов. Эфес медный, вызолоченный. Гарда состоит из 3-х дужек — одной главной и двух боковых. Верхняя часть гарды присоединена к головке. Головка переходит в планку, прорывающую спинку рукояти. У некоторых сабель сверх головки имеется отдельная шляпка, при помощи которой клинок привинчивается к эфесу. Рукоять покрыта кожей и обвита плетеной проволокой. Ножны железные, с двумя гайками с кольцами и с гребнем на конце.

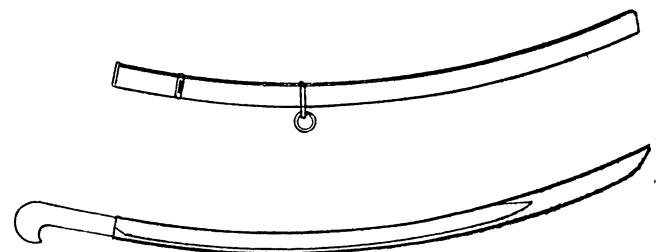
В собрании автора имеется сабля этого образца, клинок с одной широкой долой. Длина клинка — 82 см.

Сабли этого образца сохранились на вооружении кавалерийских офицеров до конца 19-го столетия.

До 1834 года русское холодное оружие было западного, преимущественно прусского или французского образцов, но с 1834 года открывается новая эра восточного, или вернее кавказского, влияния на русское холодное оружие. В этом году Нижегородскому драгунскому полку были даны «шашки азиатского образца». Слово «шашка» кавказского происхождения и шашки азиатского образца была весьма схожи с кавказскими шашками, издавна носимыми нашими кавказскими казаками. Шашки азиатского образца носились на плечевой портупее, по-кавказски, т. е. лезвием назад, в противоположность холодному оружию западного образца, которое носится лезвием вперед. Другим нововведением было то, что при ножнах шашек нижних чинов носились штыки.

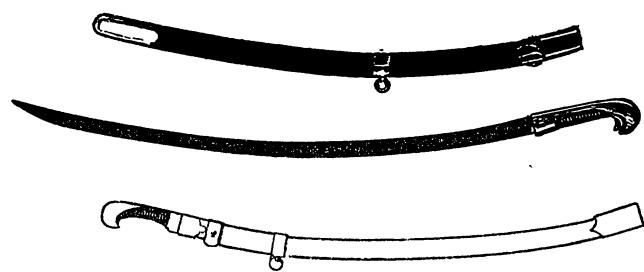
17. ШАШКА АЗИАТСКОГО ОБРАЗЦА 1834 ГОДА: клинок искривленный, заостренный с одной стороны, но с концом заостренным со стороны обуха на расстоянии нескольких сантиметров, с одной широкой долой. Эфес кавказского образца, состоящий из одной лишь рукояти. Рукоять шашек нижних чинов состоит из двух деревянных щечек, приклепанных ко клинку. Рукоять офицерских шашек окована вызолоченным серебром, украшенным кавказским срнаментом. Нижняя часть рукояти шашек нижних чинов оканчивается медным наконечником. Ножны кожаные, с медным, у офицеров вызолоченным, верхним наконечни-

ком. Нижний наконечник отсутствует. Ножны офицерских шашек имеют две медные, вызолоченные, гайки с кольцами на стороне лезвия. Ножны шашек нижних чинов имеют три медные гайки, из которых верхняя и нижняя с кольцами на стороне лезвия, а средняя и нижняя имеют специальные гнезда для штыковых ножен.

До 1838 года казаки были вооружены либо кавалерийскими саблями образца 1827 года, либо собственным оружием произвольных образцов. В 1838 году был утвержден новый образец казачьей шашки.

18. КАЗАЧЬЯ ШАШКА ОБРАЗЦА 1838 ГОДА: клинок искривленный, заостренный с одной стороны, но с концом заостренным со стороны обуха на расстоянии нескольких сантиметров, с одной широкой долой. Эфес медный, у офицеров вызолоченный. Гарда отсутствует. Головка кавказского типа и, подобно головкам кавалерийских сабель, переходит в планку, покрывающую спинку рукояти. Рукоять деревянная, покрытая кожей, на которой

имеются желобки. Нижняя часть рукояти оканчивается медным наконечником. Клинок приклепан к головке. Ножны кожаные, с медными, у офицеров вызолоченными, верхним и нижним наконечниками и с двумя гайками с кольцами, которые помещены на внутренней стороне гаек. Верхняя гайка почти соприкасается с верхним наконечником.

В собрании автора имеется шашка этого образца. Длина клинка — 86 см.

В 1841 году был утвержден новый образец драгунской шашки, различный у офицеров и у солдат. Шашка эта является чертой как французского, так и кавказского влияния — с одной стороны она весьма схожа с французской конно-артиллерийской саблей образца 1829 года, с другой стороны она носилась «по кавказски» лезвием назад, на плечевой портупее. Шашки этого типа стали со временем наиболее типичными русским холодным оружием.

19. ОФИЦЕРСКАЯ ДРАГУНСКАЯ ШАШКА ОБРАЗЦА 1841 ГОДА: клинок искривленный, заостренный с одной стороны, но с концом заостренным со стороны обуха на расстоянии нескольких сантиметров, обычно с одной широкой долой, но встречаются клинки и иных образцов. Эфес медный, вызолоченный. Гарда состоит из одной дужки. Верхняя часть гарды присоединена к головке. Головка имеет вид опрокинутой чашечки, насаженной на рукоять, иногда с отдельной шляпкой, при помощи которой клинок привинчивается к эфесу, но у других образцов клинок приклепан непосредственно к головке. Рукоять деревянная, покрытая кожей и обвитая плетеной проволокой. Головка и гарда украшены орнаментом, несколько напоминающим орнамент офицерских пехотных сабель образца 1826 года. Ножны кожаные, с медными, вызолоченными, верхним и нижним наконечниками и с двумя гайками с кольцами. Верхняя гайка ножен соприкасается с верхним наконечником или же расположена весьма близко от него. Кольца иногда находятся на внутренней стороне гаек, а иногда на стороне лезвия.

В собрании автора имеются 2 шашки этого образца:

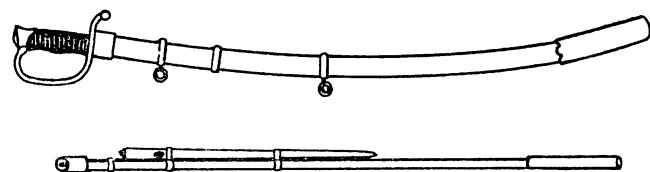

1. Клинок с отдельной широкой долой. Длина клинка — 83 см. Головка с отдельной шляпкой, при помощи которой клинок привинчен к эфесу. Верхняя гайка ножен отстоит от верхнего наконечника на 2 сантиметра. Кольца га-

ек на стороне лезвия. На наружной стороне клинка имеется клеймо «W. Klanberg-Solingen».

2. Клинок с двумя узкими долами. Длина клинка — 79 см. Клинок приклепан непосредственно к головке. Верхняя гайка ножен соприкасается с верхним наконечником. Кольца гаек на внутренней стороне.

20. ДРАГУНСКАЯ ШАШКА ОБРАЗЦА 1841 ГОДА: клинок искривленный, заостренный с одной стороны, но с концом заостренным со стороны обуха на расстоянии нескольких сантиметров, с одной широкой долой. Эфес медный. Гарда состоит из одной дужки. Верхняя часть гарды присоединена к головке. Головка имеет вид опрокинутой чашечки, насаженной на рукоять. Клинок приклепан к го-

ловке. Рукоять деревянная, покрытая кожей и обвитая плетеной проволокой. Ножны кожаные, с медными верхним и нижним наконечниками и тремя гайками. Верхняя и нижняя гайки с кольцами на стороне лезвия. Средняя и нижняя гайки имеют гнезда для штыковых ножен.

В собрании автора имеется шашка этого образца. Длина клинка — 87 см.

В 1846 году драгунские шашки образца 1841 года были даны конно-артиллеристам.

В 1848 году офицерам Отдельного Кавказского Корпуса были даны офицерские драгунские шашки образца 1841 года, взамен офицерских пехотных сабель образца 1826 года.

Более изменений в образцах холодного оружия в царствование Императора Николая I-го не происходило.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-ГО

В день восшествия на престол Императора Александра II-го, 19-го февраля 1855 года, российские войска были вооружены 10-ю образцами холодного оружия предыдущего царствования: гвардейские и армейские кирасиры были вооружены кирасирскими палашами образца 1826 года, вне строя офицеры кирасирских полков носили кавалерийские шпаги. Армейские и гвардейские драгуны, конно-гренадеры и конно-артиллеристы были вооружены драгунскими шашками образца 1841 года, за исключением Нижегородского драгунского полка, который был вооружен шашками азиатско-

го образца 1834 года. Вся остальная кавалерия, как гвардейская, так и армейская, была вооружена кавалерийскими саблями образца 1827 года. Казаки были вооружены казачьими шашками образца 1838 года, за исключением кавказских казаков, которые продолжали носить собственные шашки кавказского типа. Пехотные офицеры, офицеры пешей артиллерии и офицеры Инженерного Корпуса были вооружены офицерскими пехотными саблями образца 1826 года, за исключением офицеров Отдельного Кавказского Корпуса, которые были вооружены офицерскими драгунскими шашками образца 1941 года. Пехотные генералы и военные чиновники имели пехотные шпаги.

В царствование Императора Александра II-го, собственно говоря, не было введено ни одного нового образца холодного оружия, но было сделано несколько изменений в правилах ношения, в размерах и образцах ножен. Так, например, в 1865 году пехотным офицерам повелено было носить имеющиеся у них офицерские драгунские шашки образца 1841 года в железных ножнах на опоясной портупее.

В 1855 году было установлено ношение офицерских пехотных сабель образца 1826 года, кроме кожаных, также и в железных ножнах, с двумя гайками с кольцами для портупеи и с гребнем на конце.

Сформированному в 1858 году Северскому драгунскому полку были даны шашки азиатского образца 1834 года, но с серебряной оковкой рукоятей офицерских шашек.

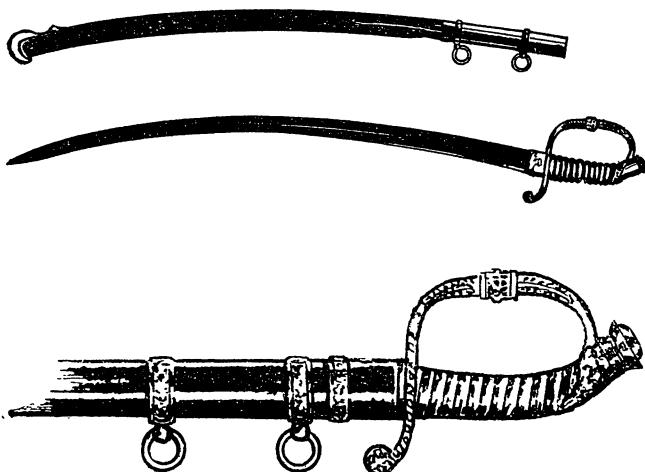
С переформированием в 1860 году армейских кирасир в драгуны кирасирские палации образца 1826 года сохранились лишь у гвардейских кирасир.

В 1863 году было повелено всем имеющим на вооружении офицерские пехотные сабли в кожаных или железных ножнах, иметь впредь офицерские драгунские шашки образца 1841 года на плечевой портупее.

В 1865 году повелено было всем, кому в 1863 году были даны офицерские драгунские шашки образца 1841 года на плечевых портупеях, носить эти шашки в железных ножнах на поясных портупеях. Носимые таким образом шашки назывались пехотными саблями обр. 1865 года. Старые же офицерские пехотные сабли (полусабли) образца 1826 года продолжали носиться при обыкновенной форме.

21. ОФИЦЕРСКАЯ ПЕХОТНАЯ САБЛЯ ОБРАЗЦА 1865 ГОДА: вполне подобна офицерской драгунской шашке образца 1841 года, с тою лишь разницей, что взамен кожаных ножен имеет железные ножны, с двумя гайками с кольцами для портупеи и с гребнем на конце.

В собрании автора имеется офицерская саб-

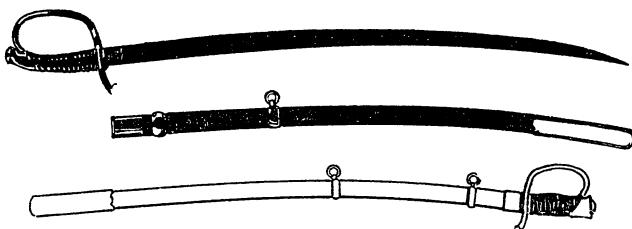
ля этого образца, с медной, вызолоченной рукоятью эфеса и с повторенной на обеих сторонах гарды надписью «ЗА ХРАБРОСТЬ». Ножны этой сабли имеют медные, вызолоченные, верхний наконечник и две гайки с кольцами. Длина сабли — 90 см., длина клинка 76 см.

В 1868 году нижним чинам пешей артиллерию были даны драгунские шашки образца 1841 года, но с укороченным клинком и без штыковых гнезд на гайках ножен.

22. АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ШАШКА ОБРАЗЦА 1868 ГОДА: вполне подобна драгунской шашке образца 1841 года, но с клинком в 74 см. длины и без штыковых гнезд на гайках ножен.

В собрании автора имеется шашка этого образца, с надписью на клинке: «ЗЛАТОУСТ 1879».

Более изменений в образцах холодного оружия в царствование Императора Александра II-го не происходило.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-ГО

В день восшествия на престол Императора Александра III-го, 2 марта 1881 года, российские войска были вооружены 12-ю образцами холодного оружия предыдущего царствования:

Гвардейские кирасиры были вооружены кирасирскими палашами образца 1826 года, вне строя офицеры гвардейских кирасирских полков носили кавалерийские шпаги. Армейские и гвардейские драгуны и конно-гренадеры были вооружены драгунскими шашками образца 1841 года, за исключением Нижегородского и Северского драгунских полков, которые имели шашки азиатского образца 1834 года. Гвардейские и армейские уланы были вооружены кавалерийскими саблями образца 1827 года. Конно-артиллеристы носили драгунские шашки образца 1841 года в железных ножнах. Казаки были вооружены казачьими шашками образца 1838 года, за исключением кавказских казаков, которые продолжали носить кавказские шашки произвольных образцов. Пехотные офицеры, офицеры пешей артиллерии и офицеры Инженерного Корпуса были вооружены офицерскими пехотными саблями образца 1865 года, а при обыкновенной форме носили офицерские пехотные сабли образца 1826 года. Нижние чины пешей артиллерии были вооружены артиллерийскими шашками образца 1868 года. Генералы и военные чиновники имели шпаги пехотного образца. Офицерские пехотные сабли образца 1826 года (полусабли) носились офицерами роты Дворцовых гренадер.

Из этого списка явствует, что количество образцов холодного оружия, бывшего на вооружении российских войск, чрезмерно увеличилось и это совершилось в ту эпоху, когда роль холодного оружия значительно уменьшилась. Настало время произвести коренную реформу в области холодного оружия, которая и была произведена в начале царствования Императора Александра III-го.

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ СИСТЕМЫ 1881-ГО ГОДА.

В царствование Императора Александра III-го была произведена коренная реформа в области холодного оружия, известная под названием «Системы 1881 года». Система эта сводилась к замене всех, бывших до этого времени на вооружении войск, образцов холодного оружия, единственным образом.

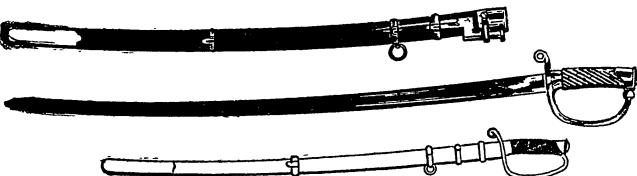
Старые образцы уже не почитались более боевым оружием и сохранялись лишь в гвардии, для ношения при парадной форме. Так были сохранены кирасирский палаш образца 1826 года и кавалерийская сабля образца 1827 года. Были сохранены также пехотная и кавалерийская шпаги и офицерская пехотная сабля образца 1826 года у Дворцовых Гренадер.

Реформа эта была задумана и подготовлялась еще в предыдущее царствование. Целью реформы было установление для всех родов

оружия единого образца холодного оружия. Реформа производилась под наблюдением генерала Горлова. За образец для клинка были взяты кавказские клинки, известные под названием «волчков» — «имеющих на Востоке, в Малой Азии, между Кавказскими народами и нашими тамошними казаками высокую известность, как оружие, оказывающее необыкновенные достоинства при рубке» (Приказ по Военному Ведомству 1881 г. № 222). Так что в конечном итоге, восточное влияние восторжествовало над западным. Что касается эфесов, то вначале предполагалось ввести эфес единого образца, но под конец было решено сохранить казакам их традиционные эфесы. Артиллеристам были даны шашки укороченного образца. Офицерские шашки отличались лишь более тщательной отделкой и позолотой эфесов и медных частей ножен.

Холодное оружие «Системы 1881 года» носилось на плечевой портупее, лезвием назад.

23. СОЛДАТСКАЯ ШАШКА ОБРАЗЦА 1881 ГОДА: клинок слегка искривленный, заостренный с одной стороны, но с концом заостренным и со стороны обуха, с одной широкой долой. Эфес медный. Гарда состоит из одной дужки. Верхняя часть гарды присоединена к головке. Костылек гарды заканчивается кольцом для ношения темляка. Головка имеет вид опрокинутой шашечки, насанженной на рукоять. Рукоять деревянная, с вырезанными на ней диагональными желобками. Нижняя часть рукояти оканчивается медным наконечником. Клинок привинчен к эфесу при помощи гайки, врезанной в головку. Ножны кожаные, с медными верхним и нижним наконечниками и с 4-мя гайками. Верхняя гайка насанжена на верхний наконечник таким образом, что между наконечником и гайкой остается промежуток, в который пропускается короткий пасовой ремень портупеи. 2-я, 3-я и 4-я гайки имеют гнезда для штыка. 3-я гайка, кроме того, имеет кольцо для длинного пасового ремня портупеи. Длина клинка — 87 см.

24. ОФИЦЕРСКАЯ ШАШКА ОБРАЗЦА 1881 ГОДА: клинок слегка искривленный, заостренный с одной стороны, но с концом, заостренным и со стороны обуха, с одной широкой и двумя узкими долами, но встречаются клинки и иных образцов. Эфес медный, вызолоченный. Гарда состоит из одной дужки. Верхняя часть гарды присоединена к головке. Костылек

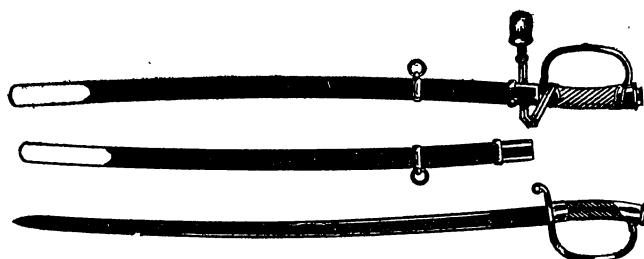
гарды заканчивается кольцом для ношения темляка. Головка имеет вид опрокинутой чашечки, на sagenной на рукоять, с отдельной шляпкой, при помощи которой клинок привинчивается к эфесу. Рукоять деревянная, вычерненная, с вырезанными на ней диагональными желобками. Нижняя часть рукояти оканчивается медным вызолоченным наконечником. Ножны кожаные, с медными вызолоченными верхним и нижним наконечниками и с двумя гайками. Верхняя гайка на sagenна на верхний наконечник таким образом, что между наконечником и гайкой остается промежуток, в который пропускается короткий пасовой ремень портупеи. Нижняя гайка имеет кольцо для длинного пасового ремня портупеи.

Для офицерских шашек была официально установлена длина клинков в 71, 74, 76 и 81 см., но встречаются клинки и иных размеров.

В собрании автора имеется несколько шашек этого образца:

1. Золотое оружие, с богато украшенным клинком, с одной широкой и двумя узкими долами. На обухе имеется надпись: «ЗЛАТОУСТЬ ОРУЖ. ФАБРИКА». Эфес с медной вызолоченной рукоятью и с повторенной на обеих сторонах гарды надписью: «За ХРАБРОСТЬ». Длина клинка — 71 см.

2. Шашка с клинком с одной широкой и двумя узкими долами. На внутренней стороне клинка имеется изображение двуглавого орла и надпись: «ЗЛАТОУСТЬ ОРУЖЕЙН. ФАБРИКА». Длина клинка — 80 см.

3. Шашка с одной долой в половину ширины клинка. На внутренней стороне клинка имеется изображение двуглавого орла и надпись: «П. А. ФОКИН. С. ПЕТЕРБУРГ». На наружной стороне клинка имеется надпись: «W. Klanberg Solingen». Длина клинка — 80 см.

25. КАЗАЧЬЯ ШАШКА ОБРАЗЦА 1881 ГОДА: клинок совершенно подобный клинку солдатской шашки образца 1881 года. Эфес медный. Гарда отсутствует. Рукоять деревянная, с вырезанными на ней диагональными желобками. Верхняя часть рукояти оканчивается медной головкой кавказского типа, с круглым отверстием посередине для темляка. Нижняя часть рукояти оканчивается медным

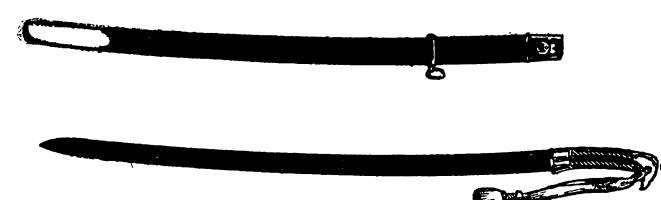
наконечником. Клинок привинчивается к эфесу при помощи гайки, врезанной в головку. Ножны кожаные, с медными верхним и нижним наконечниками и с двумя гайками. Верхняя гайка на sagenна на верхний наконечник, таким образом, что между наконечником и гайкой остается промежуток, в который пропускается верхний пасовой ремень портупеи. Нижняя гайка имеет кольцо для длинного пасового ремня портупеи. Длина клинка — 87 см.

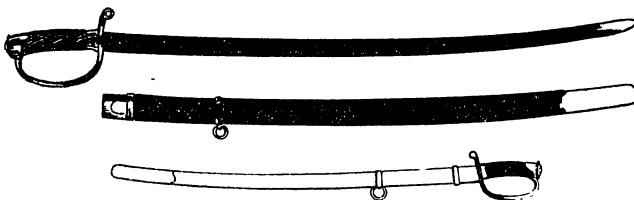
26. ОФИЦЕРСКАЯ КАЗАЧЬЯ ШАШКА СБРАЗЦА 1881 ГОДА: клинок совершенно подобный клинкам офицерских шашек образца 1881 года. Эфес медный, вызолоченный. Гарда отсутствует. Рукоять деревянная, вычерненная, с вырезанными на ней диагональными желобками. Верхняя часть рукояти оканчивается медной вызолоченной головкой кавказского типа с круглым отверстием в середине для темляка. Нижняя часть рукояти оканчивается медным, вызолоченным, наконечником. Клинок привинчен к эфесу при помощи гайки, врезанной в головку. Ножны совершенно подобны ножам офицерских шашек образца 1881 года.

Для офицерских казачьих шашек были официально установлены размеры клинков в 71, 74, 76 и 81 см., но встречаются клинки и иных размеров.

В собрании автора имеется шашка этого образца, с богато украшенным клинком, с одной широкой и двумя узкими долами. На внутренней стороне клинка имеется надпись: «ЗЛАТОУСТЬ ОРУЖЕЙНАЯ ФАБРИКА» и изображение двуглавого орла. На головке эфеса имеется надпись: «ЗА ХРАБРОСТЬ». На верхнем наконечнике ножен орден Св. Анны 4-й степени. Длина клинка — 81 см.

27. АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ШАШКА ОБРАЗЦА 1881 ГОДА: клинок совершенно подобный клинку солдатской шашки образца 1881 года,

но укороченного образца. Эфес также совершенно подобен эфесу солдатской шашки. Ножны подобны ножнам казачьей шашки образца 1881 года. Длина клинка — 76 см.

Холодное оружие «Системы 1881 года», за исключением некоторых изменений в эфесах офицерских шашек, просуществовало вплоть до революции 1917 года и даже сохранилось до наших дней на вооружении Советской армии.

Евгений Молло, Лондон, 1961 год.

О Б Р А Щ Е Н И Е

Второй год, под покровительством Объединения Императорской Конницы и Конной Артиллерии в Париже, в неустанной работе его секретаря Михаила Александровича Колосовского и инициатора всего дела Александра Александровича Скрябина, проводится в жизнь желание обезсмертить «ВОЕННУЮ ИСТОРИЮ В ЗВУКАХ» нашей доблестной старой Русской Армии. Для этой цели издаются пластинки с полковыми маршами и иными популярными произведениями для военного оркестра.

Оба эти офицера, во имя патриотической идеи, несут огромный труд, расчитывая на поддержку тех из вас, кому эта цель близка и дорога. Но далеко еще не все наши соотечественники, разбросанные по миру, знают об этом и о том что в настоящий момент удалось уже зарегистрировать **четыре** диска. Дело это требует широкой рекламы, на которую средств не имеется. Поэтому, инициаторы обращаются ко всем соотечественникам с просьбой, не только вносить свои пай заранее но и широко оповещать родных, друзей и знакомых, могущих поддержать это, поистине великое дело.

Условия подписки, как было уже объявлено раньше, остаются те же: каждый, внесший свой пай, получит обратно бесплатно соответ-

ствующую пластинку. Стоимость пая включает в себя упаковку и пересылку. Пай установлены в размере: для Франции — 10 н. фр., для всех остальных стран Европы — 10 герман. марок и для Америки, Канады, Африки, стран Дальнего Востока — 3 американ. долл. В свободную продажу пластинки не поступают. Все паяевые взносы следует направлять почтовым переводом или банковским чеком на имя Секретаря Объединения: Mr. Kolossovsky 238bis B-d Jean Jaurés, Boulogne s/S, France

Просьба точно указывать на какой номер пластинки вносится пай и разборчиво писать свою фамилию и адрес.

Примечание: пластинка № 1 — вся разошлась и будет выпущена снова только при условии достаточного поступления паяевых взносов, для переиздания. № 2 — вышла и ее можно получить без задержки, по получении пая, №№ 3 и 4 закончены регистрацией 23 июня и будут разосланы подписавшимся на них в ближайшем будущем.

По всем вопросам музыкального характера, надлежит обращаться к А. А. Скрябину:

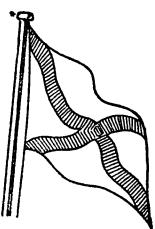
4, rue Barue, Paris 17, France
Tel.: MAC 18-70

СПИСОК НАИГРАННЫХ НА ПЛАСТИНКАХ ВЕЩЕЙ:

(в скобках, после каждого названия, обозначе номер Императорский Гимн (2 и 4)
Коль Славен (2)
Марши:
л. гв. Семеновского полка (2)
л. гв. Московского полка (2)
л. гв. Финляндского полка (2)
л. гв. 3 Стрелкового полка (1)
л. гв. Кирасирского Его Величества п. (2)
л. гв. Кирасирского Ее Величества п. (3)
л. гв. Конно-Гренадерского полка (1)
л. гв. Уланского Ее Величества п. (3)
л. гв. Гусарского Его Величества п. (1)
л. гв. Атаманского полка (4)
1 лейб-драг. Московского п. (1)
1 улан. Петроградского п. (3)
1 гусар. Сумского п. (1)
2 лейб-драг. Псковского п. (3)
3 драгун. Новороссийского п. (4)
3 гусар. Елисаветградского п. (4)
6 драгун. Глуховского п. (4)

диска)
8 гусар. Лубенского п. (4)
9 улан. Бугского п. (3)
9 гусар. Киевского п. (1)
11 гусар. Изюмского п. (3)
13 драг. Военного Ордена п. (2)
13 гусар. Нарвского п. (4)
14 гусар. Митавского п. (1)
15 улан. Татарского п. (4)
15 гусар. украинского п. (1)
16 драг. Тверского п. (4)
17 драг. Нижегородского п. (1)
18 драг. Северского п. (4)
19 драг. Архангелогородского п. (3)
14 Донского казачьего п. (4)
Конной Артиллерии (2)
Военно-учебных заведений (1)
Старый Егерский (4)
За славу Родины (3)
Заря с церемонией (3)

30 Июля 1915 года

30-го июля 1915 года (ст. ст.), точно в положенное время, солнце проснулось и начало свое победоносное шествие по небосклону северной столицы Российской Империи. Правда, оно немного задержалось в борьбе с густым туманом, но быстро преодолев это привычное препятствие, солнце бросило свою первую ласку на золотой, огромный купол собора Св. Исаакия Далматского. Загоревшись золотым пожаром, купол отделился от громады собора и поплыл над туманами, венчая, как короной, державный город. Разгоняя последние остатки тумана, брызги золота и серебра рассыпались над городом, пробуждая жизнь и вытесняя надоевшую ночь.

Всюду успевало заглянуть солнце. Заиграли лучи его и на мелких, резвых волнах Невы. Розовым жемчугом преломились они в пене рассыпающихся гребней и могучая река, точно проснувшись, быстро и уверенно покатила свои воды в открытое море. Быстро исчезала утренняя роса, сохли крыши домов и асфальт улиц.

Встретив на своем пути оркестр музыки, сопровождавший колонну войск, отправляющихся на фронт, солнце высушило медь труб. Звучно и бодро грянул марш.

Взлетев по Адмиралтейской игле и покружившись над Петропавловской крепостью, лучи солнца заиграли на золоченых орлах дворцов. Всеми цветами радуги загорелись зеркальные окна.

Снопом сияния окружило солнце летящего ангела Александровского Столпа и, залив морем света площади и улицы, представило «Медному Всаднику» его столицу в ярком блеске летнего утра.

Заглянуло солнышко и на Царскосельский вокзал. Пронеслось по путям, высушило лакировку классных вагонов, вылечило хрипоту паровозных гудков. И вдруг залитые светом платформы побелели, точно выпал снег.

Корабельные гардемарини, офицеры Морского Корпуса и морское начальство, в белых фуражках и белых кителях, числом около 180 человек, заполнили вокзал.

Сегодня, 30-го июля 1915 года, в день рождения Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, Государь Император пожелал лично произвести в офицеры корабельных гардемарин выпуск 1915 г. из Морского Корпуса и повелеть соизволил — прибыть всему выпуску в Царское Село.

Все были уверены, что Наследник будет присутствовать при производстве, гардемарини Наследника обожали.

В 1906 году отряд военных судов состоявший из линейных кораблей «Цесаревич», «Слава» и крейсера первого ранга «Богатырь» под командой капитана первого ранга И. Ф. Бострем, находясь в водах Ледовитого Океана для практического плавания с корабельными гардемаринами, послал следующую телеграмму ко дню Ангела Наследника Цесаревича:

«Цесаревич, Слава, Богатырь желают Цесаревичу быть Славою и Богатырем России».

Наследник был и Шефом Морского Корпуса. Государь Император посетил Морской Корпус 6-го ноября 1914 года и пожаловал ему шефство Наследника Цесаревича.

Радость быть произведенными в офицеры самим Государем в присутствии Наследника Цесаревича наполняла сердца гардемарин.

Быстро разместились в вагонах. Застучав по стрелкам, поезд вырвался из дымных предместий столицы и весело побежал к Царскому Селу.

**

По дороге между Петербургом и Царским Селом, по местам, по которым теперь весело бежал поезд, когда-то беспрерывно катили экипажи, мчались курьеры, скакали всадники. Летели донесения от главнокомандующих, флотводцев, наместников. Потемкин, Суворов, Ушаков, продолжали «Дело Петра». До Царского Села долетал гром побед. Голубые глаза Императрицы сияли счастьем. Веселился храбрый Росс.

Но вот поезд стал постепенно замедлять свой бег и, наконец, плавно остановился перед вокзалом Царского Села. Подтянуто и сосредоточенно вышли из вагонов. Несмотря на войну, кругом в глаза сразу же бросались — особенная чистота, порядок и четкость во всем. Под любопытными взглядами немногочисленной публики быстро прошли вокзал и разместились в ожидавших экипажах и линейках.

Прибыв во дворец, прошли аллеями сада и выстроились развернутым фронтом (по старшинству) на площадке перед Александровским дворцом. Государь Император, Царская Семья и свита была еще в церкви на литургии. Всочарилась тишина и напряженное ожидание. Беззаботная юность кончилась. Наступало что-то новое, волнующее и неизвестное. Шла война. Но вот прозвучали слова команды. Все замерло. Приближался Государь Император.

Государь подходил медленно к белому строю гардемарин. Рядом с ним шел Наследник Цесаревич. Чуть сзади Морской Министр адмирал Григорович, дежурный флигель-адъютант, дальше — свита. Гардемарины давно не видели Государя. Забота, тревога, печаль и усталость были видны на его лице. Но, как всегда, Государь был спокоен и взгляд его прекрасных глаз ласково скользил по молодым лицам гардемарин. Начав с правофлангового старшего по выпуску, Государь обходил фронт. Цесаревич все время шел рядом с отцом.

Более продолжительное время Государь беседовал лишь с первым и последним по выпуску. Кроме того, он останавливался и задавал несколько кратких вопросов гардемаринам, имевшим особые медали, или фамилии которых ему были знакомы. Наследник внимательно вслушивался в слова Государя, следил за каждым его движением и видно было, как он старательно выполняет все те уроки и наставления, которыми уже обильно была заполнена его еще детская, жизнь. Временами Государь незаметно поощрительно улыбался сыну. Любовь и гордость отца были в этих быстрых взглядах и улыбках.

Сзади несли небольшую простую корзину, в которой лежали мичманские погоны и приказы о производстве. Их передавал гардемаринам дежурный флаг-офицер морского министра.

По обходе фронта, Государь обратился к корабельным гардемаринам со следующими словами:

«Господа, благодарю вас прежде всего за переданное Мне морским министром поздравление с днем рождения Наследника Цесаревича.

Выпускная вас сегодня во флот офицерами, напоминаю вам, да и вы сами это знаете, что вы выходите на службу в исключительно серьезное время, переживаемое нашей дорогой Родиной. Это обстоятельство особенно обязывает вас с еще большим рвением и большим усердием служить на поприще, которое вы сами избрали.

Верьте, как бы ни были тяжелы времена, которые переживает Наша Родина, она все-таки останется могучей, нераздельной, великой, как мы привыкли ее любить с детства.

Веруйте в Бога и в тяжелые минуты прибегайте к Нему с молитвою перед боем и труд-

ным походом. Относитесь с уважением к вашему начальству, будьте хорошими товарищами между собой, к какому бы роду службы вы ни принадлежали, и относитесь отечески-строго к подчиненным вам командам, служа им во всем примером. От всего сердца желаю вам полного успеха в предстоящей вам славной, но трудной службе.

Призываю на вас благословение Божие, поздравляю вас с производством в мичманы.»

Восторженное «ура» молодых мичманов раздалось в ответ на слова Государя. Директор корпуса контр-адмирал Карцов провозгласил «ура» Августейшему Шефу. Пожелав успеха молодым мичманам, Государь с Наследником удалились. Мичманы вошли во дворец, где был предложен завтрак.

Еще несколько секунд стоял застывший фронт бывших гардемарин. Будто надо было еще с чем-то молча расстаться и дать этому «чему-то» время уйти в невозвратное прошлое. Ушла беззаботная юность.

А затем брызнула радость. Радость пришедшей новой жизни.

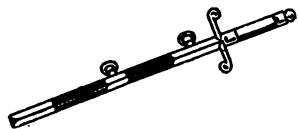
Смеясь, поздравляя друг друга, вбежали в светлый вестибюль дворца. Дворцовые лакеи помогали быстро переменить погоны корабельных гардемарин на мичманские. Потом поднялись во второй этаж. Залитый солнцем двухсветный Александровский зал. Сервированный завтрак. Проголодались. Отдали всему должное. Вкусно накормил «Хозяин земли Русской».

После завтрака выходили через другой подъезд. Несколько фрейлин Государыни Императрицы встретили выходящих и передали всем благословение Государыни — серебряные иконки на шелковом лиловом шнурке. На одной стороне иконки изображение Св. Георгия Победоносца, на другой надпись — «Спаси и Со храни». Почекрк Государыни.

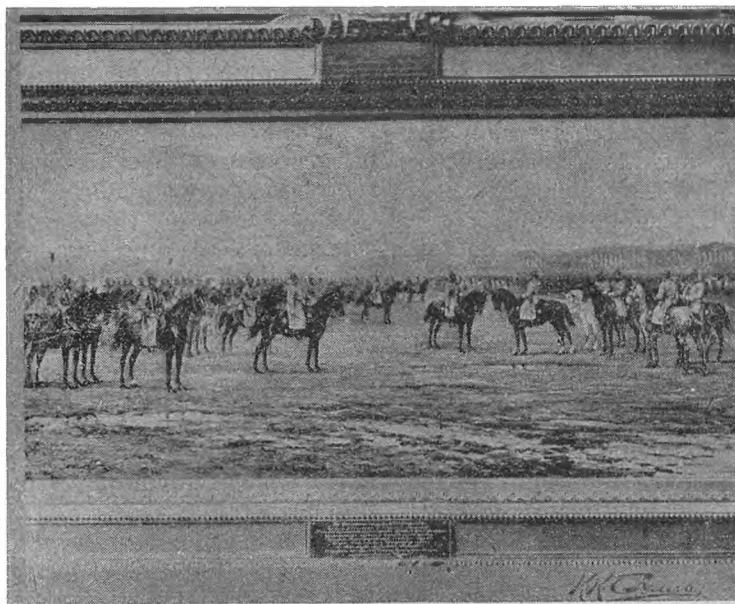
А потом опять экипажи, вокзал, поезд и Петербург.

Уже на другой день уносили поезда новых морских офицеров ко всем морям и океанам, где раззвевался Андреевский флаг. И уже через несколько дней, ненасытное чудовище — война, вырвала свою первую жертву из белого строя, еще недавно стоявшего на Александровской площади дворца перед своим Императором.

Леонид Павлов.

КАРТИНА

В Петропавловской крепости в Петербурге имеется артиллерийский музей. Существует путеводитель по этому музею и в нем опись картин с указанием, что некоторые из них взяты из музея л. гв. конной артиллерии. Музея у нас не было, картины эти взяты, очевидно, из офицерского собрания, сюжет большинства из них пояснений не требует, но была у нас в Павловске, в собрании 5-ой батареи картина, имевшая свою историю, которую я хотел бы изложить на случай, если бы картина эта где либо сохранилась.

5-я батарея гв. конно-артиллерийской бригады сформирована 12 октября 1875 года из четырех взводов 1, 2 и 3 батареи и уже 7 августа 1877 г. выступила в поход против Турции. 12 и 16 октября она приняла участие в боях под Телишем и получила за них отличие на головном уборе. Такое же, какое получили за этот бой лейб-егеря и лейб-гусары.

«За Телиш 12 октября 1877 г.»

Перевалив со 2-ой гвардейской кавалерийской дивизией через Балканы, батарея прошла через Софию, Филиппополь и Адрианополь в м. Родосто, а затем в Сан Стефано. 5-го августа, в виду Константинополя, состоялся смотр Главнокомандующего и 23 августа батарея погрузилась на пароход «Азов», выгрузилась в Николаеве и по железной дороге вернулась в место своей стоянки — в Стрельну.

Ко времени возвращения войск гвардии с похода в столицу, Император Александр II находился к Крыму, откуда вернулся лишь 22 ноября и на следующий день 23 ноября 1878 г. на Марсовом поле состоялся парад.

Когда 5-ая батарея проходила церемониальным маршем мимо Государя, она была остановлена и Его Величество, выехав перед фронтом батареи, обратился к ней со следующими всемилостивейшими словами: «Вчера Бог даровал Цесаревичу сына, а мне внука, названного Михаилом, котораго, по просьбе вашего фельдцайхмейстера, назначаю вашим Шефом».

Прошло 25 лет и осенью 1903 года среди офицеров 5-ой батареи и прежде служивших возникла мысль о необходимости отметить этот юбилей. После долгого обсуждения, решено было поднести Великому Князю Михаилу Александровичу картину, на которой был бы изображен исторический момент назначения его шефом.

Нарисовать эту картину поручено было известному художнику баталистику Мазуровскому, который прекрасно справился со своей задачей. По разным архивным данным восстановлены были все детали вплоть до мастей лошадей как Государя, так и лиц Его свиты. Перед фронтом батареи, на серой лешади, Император Александр II, за ним Наследник Цесаревич и Великий Князь Александр Александрович, да-

лее генерал-фельдцейхмейстер Вел. Князь Михаил Николаевич, военный министр генерал-граф Милютин и командир конно-артиллерийской бригады ген. А. Д. Шепелев.

Перед батареей ее командир: флигель-адъютант полк. К. Н. Фан дер Флит, впоследствии Помощник Главнокомандующего войск гвардии Петербургского военного округа. Перед первым взводом Д. Д. Кузьмин-Караваев, впоследствии Начальник Главного Артиллерийского Управления. Перед вторым взводом гр. П. П. Шувалов, впоследствии Московский Грандонаучальник, убитый в 1905 году революционером, и перед третьим — С. С. Мальцев.

22-го ноября 1903 года весь строевой состав 5-ой батареи, во главе с командиром И. К. Богословским, и прежде служившие приглашены были в Гатчину Императрицей Марией Федоровной, где в Арсенальном зале, картина была поднесена Августейшему шефу. После этого в придворной церкви состоялось молебствие и затем все были приглашены Императрицей к завтраку.

На торжестве этом присутствовали офицеры, бывшие в строю 23-го ноября 1878 года и изображенные на картине, а также епископ

Серафим (в миру Леонид Михайлович Чичагов), проделавший кампанию 1877-78 г.г. в рядах 5-ой батареи и А. М. Воронович, бывший во время войны в свите Государя.

Великий Князь Михаил Александрович заказал тому же Мазуровскому копию с этой картины и подарил ее 5-ой батарее. На картине этой прибиты были дощечки с соответствующей надписью, но нигде нет указаний на то, кто именно нарисован.

В 1947 г. меня посетил ген. В. В. Флуг, один из старейших русских генералов, проживший годы эмиграции в Югославии.

Рассматривая картины и фотографии, висевшие у меня на стене, генерал заинтересовался снимком с картины 5-ой батареи и, выслушав мой рассказ, на минуту задумался. «Как же, как же, помню», сказал он к моему великому удивлению. «Как помните?» — усменился я. «Отлично помню, ведь я был тогда юнкером и присутствовал на этом параде среди зрителей. Помню, отлично помню».

А мы то считали, что это — «дела давно минувших дней».

В. Хитрово

Из воспоминаний об одной дальней разведке

В конце марта 1916 г. положение на правом фланге нашей 10-й армии представлялось следующим образом.

Предпринятое германским командованием 23-го марта (ст. ст.) частичное наступление на XXI арм. корпус натолкнулось неожиданно для них на 7-ю сибирскую стрелковую дивизию и разбилось о стойкость сибирских стрелков. Дело в том, что эта сибирская дивизия только что перед тем, незаметно для немцев, сменила находившуюся до тех пор на этом участке фронта армии ее правофланговую, в то время все еще совершенно небоеспособную 56-ю пехотную дивизию, на которую именно немцы нацелили свой удар. Эта 56-я пех. дивизия с самого начала войны отличавшаяся своей неустойчивостью и многократными бегствами с фронта, *) только что перед этим наступлением немцев отличилась еще и тем, что несколько ее батальонов, занимавших позицию против частей вышеупомянутого германского

21-го армейского корпуса, вдруг, без какого-либо давления со стороны немцев, выкинули прикрепленные к жердям тряпки и полным своим составом добровольно отправились в германский плен.

Это событие заставило командование нашей 10-й армии наконец решиться снять злополучную 56-ю дивизию с фронта и отвести ее в тыл в Ковно, где вновь назначенный начальник дивизии должен был поднять ее совершенно упавший боевой дух и привести ее, наконец, в более или менее боеспособное состояние. Задача нелегкая, выпавшая на долю генерала Мадритова.

Оперировавшая же на самом правом крыле армии 1-я гвардейская кавалерийская дивизия, задачей которой было прикрытие фланга и тыла армии, а также освещение подступов к таковым, после снятия с фронта до сих пор соседней с ней 56-й пех. дивизии, была теперь несколько продвинута к югу, с целью приблизить ее к ставшей теперь правофланговой 7-й сибирской дивизии.

Вследствие этого передвижения, правый фланг 1-й гвардейской кавалерийской дивизии оказался теперь, приблизительно, против сере-

*) Этой дивизии автор посвятил статью в другом месте. Интересно, как под начальством вновь назначенного хорошего генерала из этой никуда негодной постепенно выработалась отличная боевая дивизия.

дины занятого немцами вдоль реки Шешупы участка Мариамполь — Людвинов.

В результате такого сдвига правофланговых частей 10-й армии к югу, без того уже чрезвычайно широкое, незащищенное пространство между ее северным флангом и Неманом увеличилось теперь до 65 верст. Тут я хотел бы напомнить читателям, что река Неман, которая от Гродно течет в северном направлении, меняет вдруг на высоте Ковно свое направление почти под прямым углом на запад, продолжая таким образом течь отсюда перпендикулярно линии фронта.

Необходимо сказать, что вышеупомянутое пространство между правым крылом нашей 10-й армии и Неманом было чрезвычайно важно в оперативном отношении, так как через него проходили пути из Восточной Пруссии к Ковно и Неману (железно-дорожная двуколевая линия и шоссе). Кроме того в нем находились огромных размеров Козлово-Рудские леса, чрезвычайно способствующие незаметному укрытию подходу неприятеля к передовым укреплениям крепости Ковно. В этом районе находился до момента моего дальнейшего повествования некий отряд полковника Александрова, подчиненный коменданту крепости Ковно. Этот отряд состоял из бригады второочередной, 68-й пех. дивизии, пехотного полка, наско-ро составленного из крепостных артиллеристов крепости Ковно, а также еще нескольких, совершивших небоеспособных, вооруженных берданками ополченских дружин.

Этот отряд, эта типичная импровизация, какие так часто встречались в старой русской армии, должен был защищать подступы к Ковно в этом 65-ти верстном пространстве от правого фланга нашей 10-й армии, вплоть до реки Немана на севере.

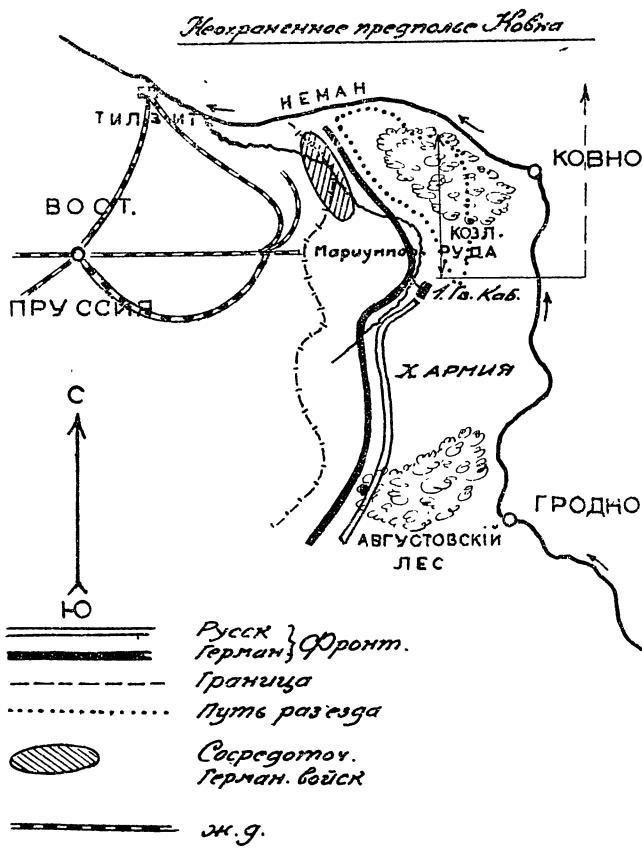
Ко всему этому следует добавить еще и то, что ко времени этого повествования кр. Ковно не имела даже никакого мало-мальски боеспособного гарнизона, могущего хотя бы временно задержать прорвавшегося, паче чаяния, к этой крепости неприятеля, так как две вооруженных всего лишь старыми берданками ополченских дружин и стягиваемая туда для реорганизации вышеупомянутая совершенно небоеспособная 56-я пех. дивизия не могли быть рассматриваемы как таковые.

**

Так вот какова была в общих чертах обстановка на правом фланге 10-й армии к полуночи 26-го марта 1915 г., когда вдруг я был вызван со взводом 3-го эскадрона Кавалергардского полка в штаб нашей 1-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Явившись начальнику штаба полк. Матковскому, я услышал от него следующее: «Нам со-

вершенно неизвестно, что творится к северу от нас, то есть правее отряда полк. Александрова, который в настоящее время, по приказанию коменданта крепости Ковно, снянут к Мариамполю, вероятно совершив этим направление от Верхболова на Ковно. На вас возлагается ответственное задание разведать все пространство от нашего правого фланга вплоть до Немана на севере, установить линию неприятельского фронта против крепости Ковно, определить находящиеся там неприятельские силы, осветить, что происходит в Козлово-

Рудских лесах и выяснить, какие силы с нашей стороны находятся вообще в этом районе». А, присутствовавший при этом, начальник дивизии генерал Казнаков добавил, что от моих донесений, из этой, предстоящей мне дальней разведки, зависит очень многое.

Полк. Матковский указал на карте маршрут для моего разъезда, согласно которому мне предстояло пройти что-то свыше 150 верст, туда и обратно.

Хотя местность, в которую я должен был идти с разъездом, была мне уже знакома, в ее общих чертах, еще с первых недель войны, но, однако, под влиянием всего того, что пришлось только что услышать от Матковского, у меня создалось впечатление, что мне с разъездом предстоит окунуться в какую-то полную неиз-

вестность, которую мы должны будем открывать. «Для любителей приключений интересное задание», подумал я.

День клонился уже к вечеру, когда, получив все указания и инструкции начальника дивизии и его Начальника Штаба, смог я, наконец, выступить со своим взводом в северном направлении. Остававшуюся еще пару часов перед наступлением полной темноты я хотел использовать, чтобы без замедляющих движение разъезда мер походного охранения пройти район обеспеченный близкой разведкой нашей дивизии и приблизиться как можно более к пространству, которое предстояло нам исследовать. А на следующее утро, уже на самой заре, выступить дальше, в «неизвестное».

Пройдя какихнибудь 12-15 верст, натолкнулись мы на расположенный в укрытой со всех сторон лощине хуторок. Занимала его рота ополченцев. Забавно было наблюдать это сборище бородатых стариков, одетых в какие-то допотопные мундиры мирного времени, вероятно еще времен Крымской кампании 1856 г., которые бродили кучками или по-одиночке без всякого занятия и, повидимому, очень скучали от бездействия. Командир этой роты и единственный ее офицер, старый толстяк, на вид какой-нибудь гражданин чиновник только сдется в офицерский мундир, страшно обрадовался нашему появлению. Он, повидимому, вообразил, что под нашей защитой сможет, наконец, спокойно проспать всю ночь, так как, по его словам, на своих бородачей полагаться он совершенно не мог и жил под постоянным страхом, что вот вот придут немцы и заберут его вместе со всей ополченской братией в плен. Само собой разумеется, жила эта рота без всякого охранения, совершенно не зная ничего ни о противнике, ни о своих, может быть даже, совсем позабытая своим начальством, о котором «чиновник» ничего не знал. Как он мне еще сказал на прощанье, настроение его роты было таково, что она ждала только случая, чтобы уже окончить войну в германском плену.

Невольно спрашивал я себя, на какой чорт держит наше командование поблизости линии фронта такие абсолютно небоеспособные, лишенные даже всяких признаков «воинского духа» части, состоящие из никогда не служивших на военной службе необученных мужиков, только для вида одетых в какие-то, казавшиеся в условиях современной войны, как бы опереточные мундиры! Такие части были исключительно обузой и увеличивали количество наших пленных в Германии.

Все просьбы и уговаривания «чиновника» остаться на ночь на его хуторе успеха не имели — в виду предстоящего нам далекого про-

бега я спешил пройти как можно дальше до наступления ночи. Было уже совсем темно, когда дошли мы до отдельного хуторка, расположенного на небольшой возвышенности. Тут расположились мы на ночь.

На следующий день, еще только начало светать, как мы уже выступили в дальний путь. Когда дошли мы, наконец, до шоссе Ковно-Мариамполь, было уже совершенно светло. Тут нашим глазам представилось зрелище, которое не забуду до смерти. По шоссе, в сторону Мариамполя, преграждая нам движение вперед, медленно шествовала, совсем как похоронная процессия, колонна средней величины. Состояла она из нескольких рот пехоты, одетой в старинные цветные мундиры, причем окольышки каких-то старомодных бескозырок каждая из этих рот имела иного цвета. Вся колонна пестрела красными, желтыми, синими, белыми, голубыми, коричневыми и т. д. окольышами, а лес штыков на длинных неуклюжих берданках, которыми были вооружены эти ополченцы, придавал еще более странный вид этому совершенно несовременному войску. В промежутках между отдельными ротами грохотали как бы катафалки с гробами покойников, запряженные двумя парами коней, какие-то дивные, странного образца, повозки, на которых были установлены совсем как музейные экспонаты какие-то устарелые пушки, так подходящие к общему виду этой оригинальной колонны. Припомнилось мне тут иллюстрированное издание «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого, которые имел я в детстве и на несколько секунд мне померещилось, что живу я в половине 19-го столетия.

На мои расспросы узнал я, что эта странная колонна шла из Ковно на усиление (!) отряда полковника Александрова под Мариамполем. Надо заметить, что находились мы тут совсем уже близко от реки Шешупы, за которой проходила занятая противником линия, а его разъезды колесили постоянно в этом районе. А эта, как бы сказочная, колонна шла без всякого охранения — совсем будто бы не было войны.

Пропустив ее, пересекли мы шоссе и пошли дальше в направлении Пильвишек. К востоку от этого городка впервые мы натолкнулись на немецкие окопы, занятые их пехотой. Отсюда двинулись мы вдоль линии, занятой передовыми частями неприятеля, нащупывая ее контур. Эта линия шла от Пильвишек верст с 10 в западном направлении вдоль реки Шешупы, которая так же, как и Неман у Ковно, поворачивает у этого городка на запад. Теперь германский фронт переменил вдруг направление круто на север — северо-запад и тянулся далее к нижнему течению Немана.

Немцы основательно занимали всю эту линию от части пехотой, от части спешенной кавалерией, тогда как с нашей стороны в течение двух суток, которые понадобились нам, чтобы разведать этот район вплоть до Немана, не встретили мы там ни одного солдата или казака. Также и местные жители подтверждали нам на всем пути, что уже очень давно не видели русских.

Зато они утверждали, что за передовой линией, вдоль которой шел теперь мой разъезд, недавно начали прибывать по железной дороге значительные силы германских войск. Преимущественно это была кавалерия, которую они насчитывали силой в несколько полков. Но была будто бы также пехота с артиллерией. Чем дальше продвигались мы на север к Неману, тем больше и конкретней мы слышали о сосредоточении поблизости Немана большого количества германской кавалерии, а также и пехоты. Конечно, эти показания местных жителей меня очень заинтересовали. Так как эти сведения все повторялись, не могло быть сомнения, что нет здесь «дыму без огня». Однако, перед тем чтобы донести в штаб дивизии, я решил лично проверить эти сведения. Все мои попытки пробраться с частью разъезда незаметно через передовую линию немцев наталкивались всюду на огневой отпор неприятеля. Но так как от местных жителей я знал, что они имеют свои тайные ходы на ту сторону, старался я найти проводника, который провел бы в тыл немцев моих двух разведчиков, переодетых местными жителями. Однако, ни за какие деньги, проводника найти я не мог, так как местные литовцы боялись, что их тайные пути по ту сторону будут обнаружены немцами, и они их утратят на будущее. Тогда, несмотря на это, один из моих разведчиков ефрейтор Банько предложил мне попытаться пройти вместе с Кошельем, другим моим разведчиком, переодетыми местными крестьянами через немецкую передовую линию, что они уже не раз с начала войны делали с полным успехом.

Тут я хотел бы сказать несколько слов о своих обоих разведчиках. Один из них Банько, кавалергард действительной службы, (если не ошибаюсь) призыва 1911 г. Банько был поляк из пограничного с Восточной Пруссиею местечка Хоржеле в северной Польше. Перед войной был он солдатом неважным, страшный пьяница, и вахмистр подпрапорщик Палиенко постоянно жаловался на него. Однако на войне он оказался не только прекрасным солдатом, безумно храбрым, но показал себя именно как выдающийся разведчик. Не удивительно! С ранней молодости занимался он контрабандой и в этом профессиональном контрабандисте, со временем, выработались все так важные для

хорошего разведчика качества. Особенно любил он переодеться крестьянином и пробраться в расположение неприятеля. Как поляк, к тому же знающий немного и немецкий язык, не раз добывал он первоклассные сведения о противнике. Поэтому не мудрено, что уже в конце 1915 года был он георгиевским кавалером всех четырех степеней и произведен в вахмистры. Как мне впоследствии, живя в Польше, удалось узнать, после войны вступил он в один из польских кавалерийских полков и во время польско-советской войны погиб смертью храбрых.

Другой разведчик и постоянный спутник Банько в его разведывательных предприятиях назывался Кошель. Был он добровольцем. Примазался к нашему эскадрону в самом начале войны. Передвой солдатом он не был, но, несмотря на это, в короткий срок обвык и обтесался в эскадроне и сделался отличным кавалергардом. Роста и вида был он тоже гвардейского, а к тому же с некоторым образованием. По национальности был он литвином или же поляком из Литвы — о его происхождении точно никто не знал. Во всяком случае был он храбрым, отважным солдатом и первоклассным разведчиком, чьему, несомненно, способствовал его от природы авантюристический характер, а также прекрасное знание литовского и польского языков. Он сделался неразлучным помощником Банько во всех его лихих разведывательных предприятиях, и грудь его украшал не один георгиевский крест. Его дальнейшая судьба мне неизвестна.

Укрыв свой разъезд в густой роще, я с нетерпением, ожидал сведений от Банько и Кошеля о сосредоточении германских войск.

Прошло несколько тревожных часов. Наконец разведчики мои вернулись из своего предприятия, которое, к сожалению, на этот раз им не удалось. В нескольких местах пытались они пробраться через передовую линию немцев. Однако напрасно. Всюду встречал их германский огонь. У Банько оказался прострелен крестьянский полушибок, а Кошель был легко ранен в мякоть левой руки.

Несмотря на эту неудачу, нам все же удалось установить, на основании показаний жителей целого ряда селений, что в районе Верхнеборзово — Владиславова была выгружена из поездов германская кавалерия с пехотой и артиллерией и что теперь эти части расположены по квартирам в деревнях пограничной полосы севернее этого района. Что же касается численности немцев, то сведения были противоречивы, чего нельзя было бы иначе и ожидать от не бывших солдатами крестьян. Во всяком случае я смог донести в штаб дивизии, что, согласно показаниям местных жителей, в вышеупо-

мнянтом районе немцы выгрузили и расквартировали от одной до двух кавалерийских дивизий с пехотой и артиллерией. Несмотря на все попытки, больше узнать об этом мне так и не удалось.

Как теперь известно, сведения эти оказались совершенно правильными. Оказывается, как раз во время этой моей разведки немцы заканчивали сосредоточивания переброшенных с западного фронта 3-ей и Баварской кавалерийских дивизий, а также из состава своей 10-й армии 78-ой резервной пехотной дивизии. Эти части были расквартированы в выше указанном мною районе. Цель же этого сосредоточения была подготовка задуманного германским командованием набега на Курляндию и Литву северней Немана, что и произошло в апреле 1915 года. (Reichs archiv Weltkrieg 1914-17, Band 7, Seite 297).

Определением линии германского фронта от Шещупы у Пильвишек до Немана, а также получением сведений о сосредоточении значительных сил неприятеля за этой линией, закончилась первая часть возложенного на меня задания, на что я затратил почти что двое суток.

Переночевав в какой-то лесной сторожке поблизости Немана, на следующий день, то есть 29-го марта, выступили мы через гущу Козлово-Рудских лесов, в южном направлении. Жутко было идти целыми часами совершенно безлюдными лесами. Шли мы со всеми мерами охранения, так как еще накануне местные жители предупреждали нас о германских разъездах, которые входили постоянно в это лесное пространство. Однако, кроме попадавшихся нам изредка лисиц или серн, которые с видимым изумлением наблюдали издали за нами, ни одного немца не пришлось нам встретить. Также ни одного русского солдата или казака не встретили мы на протяжении около 40 километров от Немана до деревни Козлова Руда. Только здесь натолкнулись мы на первые окопы, занятые дружинами Астраханского ополчения, опять таки одетых в зеленые мундиры без пуговиц, времен Александра III. Эти астраханские татары совершенно не говорили и только с трудом понимали по-русски.

Как сообщил мне командир одной из этих дружин, старый подполковник, участник Турецкой кампании 1877-78 гг., до этих окопов, которые тянулись на юг приблизительно до деревни Дембова-Буда, часто доходили германские кавалерийские разъезды. Но ополченцы по ним совершенно не стреляли, боясь «разгневать» немца. Дело в том, как дальше рассказывал этот подполковник, однажды, германский разъезд захватил тут одного ополченца, который отважился со своей берданкой в лес на охоту. В плен они его не забрали и на следую-

щий день ополченец вернулся обратно. В его руках была переломанная пополам берданка, а на его спине была прикреплена написанная по русски записка: «если вы будете в нас стрелять из этих ваших чертовских ружей, мы будем расстреливать всех наших пленных».

Не обнаружив ничего в Козлово-Рудских лесах, окончил я возложенное на меня задание и возвращался теперь со своим разъездом в свою дивизию. Анализируя в мыслях все виденное и пережитое, я делал свои выводы. Эти выводы были не только очень печальны, но даже просто удручающи. Я, тогда еще только молодой поручик, не мог понять, как могло командование армии оставить такое важное направление, как из Восточной Пруссии к Ковно, не только без всякого мало-мальски серьезного прикрытия, но даже без какой-либо соответствующей разведки. Как это было уже упомянуто выше, на всем пройденном в течение трех дней пути, мы не встретили ни одного нашего разъезда. Затем, в положении нашей 10-й армии я видел огромную аналогию с тем ее положением, которое предшествовало недавно только имевшей место катастрофе в Августовских лесах. От участников и очевидцев такой слышал я уже неоднократно, что наша армия опиралась своими флангами в огромные леса, в которых немцы сосредоточили большие силы, ударившие во фланг нашей армии и, зайдя в ее тыл, окружили и забрали в плен 20-й армейский корпус, в составе нескольких дивизий.

Но положение нашей армии казалось мне теперь еще худшим. На ее фланге не только находилось громадное, никем еще не занятое лесное пространство, но вообще весь район северней ее правого крыла, вплоть до Немана, шириной более 65 верст, был совершенно открыт для противника. В моих ушах звучали непрерывно слышанные накануне и повторяющиеся с такой настойчивостью каждый раз другими местными жителями о сосредоточении в пограничной полосе этого района крупных неприятельских сил, и мне мерещился лихой кавалерийский набег немцев на Ковно. Ведь германское командование, наверняка, хорошо было осведомлено своими разъездами и тайными агентами о том, что оно не встретит в этом направлении мало-мальски серьезного сопротивления с нашей стороны.

Эти волновавшие и неспокойные размышления заставили меня, несмотря на большую усталость коней, ускорить наш темп, чтобы как можно только скорей рассказать все виденное и передуманное полк. Матковскому.

Вскоре нам стали встречаться сначала отдельные, а потом и целыми партиями пехотин-

цы, отчасти без винтовок и снаряжения. На мой вопрос, кто они, куда и зачем идут, услышал я так знакомую, уже столько раз от начала войны слышанную историю: «нас совершили разбили, все офицеры убиты, сотни людей погибли и вот только нам удалось как-то случайно спастись и т. д.». Эти люди были из отряда полк. Александрова и, по их словам, весь этот отряд был разбит и уничтожен под Мариамполем.

Подобных рассказов пришлось мне в течение первых семи месяцев войны слышать много, а поэтому и теперь я не очень поверил всем ужасам, поведанным беглецами. Но не моя была задача собирать и водворять этих беглецов куда следовало. К тому же, как я уже говорил выше, я спешил доложить лично в штабе дивизии о так беспокоющих меня результатах моей разведки.

Прибыв наконец туда и доложив все подробно начальнику штаба и ген. Казнакову, услышал я о постигшем отряд полк. Александрова несчастье. Пока я находился со своим разъездом за несколько верст отсюда, отряд этот, подчиненный находящемуся в 60 верстах от него коменданту крепости Ковно, по приказанию последнего, атаковал занятый немцами Мариамполь.

Сначала отряду удалось овладеть Мариамполем. Но ввиду того, что атака эта не была согласована ни с I-й гвардейской кавалерийской дивизией, находящейся на правом фланге армии, ни с III сибирским стрелковым корпусом, теперь правофланговым армии, на следующий день по занятии города немцы успешно контр-атаковали отряд, окружили пехотный полк из ковенских крепостных артиллеристов и ополченские дружины (не те ли «времен севастопольской кампании 1856 года», которые я встретил в первый день своей разведки?). Они были окончательно разбиты и в большинстве захвачены в плен. В результате остатки отряда полк. Александрова должны были поспешно отойти в направлении Ковно. Атаковал ли этот отряд Мариамполь на основании приказа штаба армии или же по инициативе комендан-

та крепости Ковно — осталось мне неизвестным.

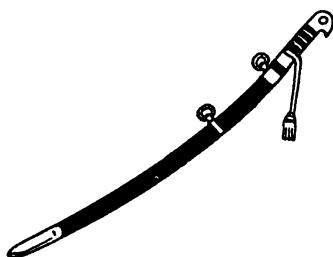
Заканчивая эти воспоминания, не могу удержаться и не сказать еще несколько слов о вышеупомянутом «пехотном полку из артиллеристов ковенской крепостной артиллерии», о этой типичной импровизации, столь для нашего командования всегда характерной.

Кто был инициатором такого близорукого замысла? Какому военному организму пришла эта, по меньшей мере оригинальная, фантазия импровизировать пехотную часть из офицеров и людей, ооучавшихся долгие годы и специально подготовленных для обслуживания и стрельбы из тяжелых орудий в условиях крепостной войны? К сожалению, мне так и не удалось узнать, кто был преступный автор, этого абсурдного и богатого самыми печальными последствиями распоряжения. Каждое логическое мышление должно было бы предвидеть, что это случайнное сформирование из офицеров и нижних чинов крепостной артиллерии, не имеющих никакой практической подготовки в тактике пехоты в условиях полевой войны, не будет в состоянии дать в бою даже минимума таких результатов, которые смогли бы, хотя бы только частично, оправдать тот риск, который тут был поставлен на карту.

Как и следовало ожидать, этот оригинальный «пехотный полк» не выдержал под Мариамполем экзамена, который он даже при напряжении максимума своей доброй воли, ни в коем случае не был бы в состоянии выдержать.

А в конечном результате этот совершенно непродуманный эксперимент лишил русскую армию совербенно бесцельно и прямо таки преступно по меньшей мере нескольких сот специалистов по тяжелой артиллери, в которых и без того был недостаток в нашей армии и которые так страшно пригодились бы для предстоящего позже, в течении 1-й Мировой войны, формирования ТАОНА (тяжелой артиллери особыго назначения). Часть их погибла в ненужном, бессмысленном бою, а остальная часть окончила войну в германском пленау.

В. Кочубей

Нагрудный знак для защитников Порт-Артура

Нагрудный знак для защитников крепости Порт-Артур был утвержден приказом по Военному Ведомству № 66 от 30 января 1914 года.

Право ношения этого знака предоставлялось всем состоявшим на действительной службе по Военному Ведомству офицерам, медицинским чинам, гражданским чиновникам, священнослужителям, а также всем нижним чинам, санитарам, дружинникам и сестрам милосердия, бывшим в Перт-Артуре во время осады, и тем выжившим из крепости до 1-го мая 1904 года, кто принимал участие в боях за Порт-Артур с 26-го января 1904 года по 1-е мая 1904 года.

Описание знака: Нагрудный знак представляет собою оксидированного серебра крест с полированными ободками. На середине креста, в выпуклом круге, помещен правильный шестиугольник, представляющий в плане бастионную крепость (штерншант), внутри которой на фоне белой эмали изображен черный эмалевый броненосец. На горизонтальных концах креста расположена надпись «ПОРТ-АРТУР». Крест наложен на два накрест положенных рукоятками вниз серебряных меча.

Размеры знака: в высоту и ширину не более 1,3 дюйма.

Для нижних чинов знак того же рисунка, но из другого металла и без эмали. (Собрание узаконений и распоряжений Правительства 1914 год, ст. 881, рисунок на стр. 1352).

В дополнение к приказу по В. В. № 66 от 30. I. 1914 г., циркуляром Главного Штаба № 57 от 26 февраля 1914 года разъяснено, что нагрудный знак для защитников крепости Порт-Артур является лишь указанием на участие того или другого лица в обороне крепости и не имеет характера наградного знака и ношение его для лиц, имеющих на то право, не обязательно. Знак приобретается на личные средства носителя. В циркуляре была указана стои-

мость знака для нижних чинов — 30 копеек и адрес фирмы изготавлиющей эти знаки — «фирма Эдуард СПБ».

Вопрос об учреждении особого знака для защитников Порт-Артура поднимался уже ранее — Отношением № 67301 от 11-го июля 1907 года, Канцлер Российской Императорских и Царских орденов барон Фредерикс запросил мнение Военного Министра Редигера об учреждении этого знака. К отношению была приложена справка о том, что вопрос об учреждении знака был возбужден уже в 1905 году, о чем был предоставлен доклад Военному Министру. В июне 1906 года было испрошено указание Его Императорского Величества, при чем на установление сего знака согласия не последовало.

Главным Штабом было запрошено мнение Морского Министра, на что от Морского Министра последовало отношение № 19355 от 21 августа 1907 года, что в учреждении описанного знака им не усматривается настоятельной необходимости, тем более, что крепость была сдана, что подобного знака не было установлено для доблестных защитников г. Севастополя (в войну 1855 г.), который не был сдан неприятелю, а взят им.

17 сентября 1907 года Военный Министр Поливанов наложил резолюцию «Вполне присоединяюсь к мнению Морского Министра, ибо Порт-Артуру уже выделены учрежденные медали и что награды им назначались в большой пропорции, чем другим за перенесение трудов и лишений,увековечивать же сдачу крепости еще исключительным знаком не в пример Севастополю не приходится».

1 октября 1907 года, по всеподданнейшему докладу Военного Министра Поливанова, Государь Император Николай II-й положил резолюцию «НЕ УЧРЕЖДАТЬ».

Сообщил А. М.

Капитан Константин Сергеевич Попов

20 марта 1962 года ушел в лучший мир капитан 13 лейб-гренадерского Эриванского Царя Михаила Федоровича полка Константин Сергеевич Попов.

Верный и надежный друг и товарищ, доблестный офицер Российской пехоты, кавалер Ордена Святого Георгия 4-й ст. и Георгиевского Оружия, в эмиграции он остался тем-же верным сыном России и начал свою новую службу Ей, первом прославляя славу и подвиги Императорской Армии.

«Воспоминания кавказского гренадера», «Господа офицеры», «Храм Славы» и, как блестящее завершение, венец всей его военно-исторической работы — восьмой том истории родного полка книга «Лейб-Эриванцы в Великую войну». Все эти книги покойного составляют непременную часть каждой военной библиотеки, и не сомненно переживут и нас и нашу эпоху а такие его очерки как, например, «Боевое крещение» или «Желтые дьяволы» останутся в родной литературе как подлинные образцы военной прозы.

При возникновении нашего журнала, Константин Сергеевич горячо принял к сердцу это наше общее дело и до последних дней жизни, оставался моим верным другом и, где и как только мог, всегда оказывал поддержку «Военной Были».

Да будет легка ему чужая земля а мы должны сделать все возможное чтобы его книги получили возможно большее распространение не только заграницей но и в будущей России и тем сохранилась память о русском офицере и военном историке, оставшемся верным и непоколебимым до конца.

Алексий Геринг

Обзор военной печати

Анатолий Марков. «Кадеты и Юнкера». Издание Обще-Кадетского Объединения в Сан-Франциско. 1961, Стр. 302.

Только что минуло сорок четыре года со дня, когда трагически рухнуло великое и славное Российское Государство. За эти долгие годы произошли самые невероятные события, в корне изменилась карта мира, а главное, самым решительным образом изменилась человеческая психология, изменились человеческие чувства и взгляды.

И, между тем, в этом страшном вихре самых невероятных потрясений, в всеобщей ломке и переоценке всяких ценностей, — какими-то непостижимыми путями, каким-то совершенно чудесным образом — сохранилось то, что мы, старые кадеты российских корпусов, с законной гордостью называем — кадетской спайкой.

Это не пустое, лишенное содержания слово. Далеко нет! Прошли многие десятки лет, как мы, старые кадеты, оставили, священные для нас, стены родных корпусов. И, несмотря на это, мы до сих пор проодолжаем живо чувствовать свое кадетское единство, свою неумирающую общность, которые понуждают всех наожаться друг к другу, искать друг в друге всяческой поддержки и помощи.

Вещественным знаком этого кадетского единства и является изданная Сан-Францисским Общекадетским Объединением, книга «Кадеты и Юнкера», написанная недавно скончавшимся кадетом Воронежского Великого Князя Михаила Павловича акадетского корпуса Анатолием Марковым.

С большой любовью и с немалым художественным мастерством, написал покойный кадет-писатель о своем родном корпусе и о Николаевском кавалерийском Училище, которое он окончил. Написанное им, в полной мере, можно отнести и ко всем другим корпусам и военным училищам былой России. Все мы хорошо знаем то, что независимо от цвета погон, независимо от давности существования того или иного корпуса или училища, независимо от того был ли корпус столичный или провинциальный — не только быть, не только внешние формы жизни, но, главное, дух — были едины во всех корпусах и училищах.

С первых же дней вхождения под корпусные своды, — каждый кадет окунался в единую духовную атмосферу, которая и давала

ему ту самую общекадетскую закалку, которая до сих пор живет и дышит со страниц этой книги, изданной старыми кадетами, как знак своего глубокого почитания кадетского прошлого.

Пожалуй, это прошлое свое самое сильное и яркое выражение получило в том, напечатанном в книге, приказе по Владимирскому Киевскому кадетскому корпусу от 1-го сентября 1911 года, № 211, в котором описывается посещение корпуса Государем Императором. Приказ этот нельзя читать без волнения.

Исключительно ценно и то, что в книге даны многочисленные фотографии почти всех корпусов и училищ, как Императорской России, так и тех, которые возникли и жили в эмиграции, с честью продолжая кадетские традиции.

К книге приложена и красочная таблица погон всех корпусов, включая и зарубежные.

Зарубежным корпусам в книге отведено много места, и это очень хорошо, ибо возрождение на чужбине русского кадетства — надо причислить к наиболее важным достижениям русской эмиграции. Жизнь русского духа, и, в частности, духа кадетского, за рубежом Русской Земли — будет продлена на многие годы, нашими преемниками, кадетами зарубежных корпусов.

Главы: «Кадеты и Юнкера в белом движении», Приказ ген. Геруа «Бой под Канцелем» и другое, что воскрешает героическое прошлое русских кадет — имеют, помимо моральной ценности, и большую ценность историческую.

Одним словом, книгу о кадетах и юнкерах — надо считать вполне достойным памятником русскому кадетству. Вместе с тем, нельзя не отметить того, что эта книга являясь как бы лавровой ветвью, которую старые кадеты привнесли к подножию будущего памятника Русскому Кадету, — является одновременно и укором по отношению к тем остывшим и равнодушным, которые забыли свое кадетское прошлое, забыли кадетские заветы о взаимной поддержке и о долге служить России до конца своих дней.

Будем надеяться на то, что яркое напоминание о кадетском прошлом, виды родных корпусов и сцен из кадетской и юнкерской жизни — заставят некоторых остывших и равнодушных вспомнить о своем кадетском долге и о кадетской спайке.

Г. Месняев

К СТАТЬЕ КАП. И. Р. ИВАНОВА - ТРИНАДЦАТОГО «ПОХОД И ГИБЕЛЬ ЛИН. КОРАБЛЯ «ПЕРЕСВЕТ»; В № 54 «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

К обстоятельной и интересной статье командира «Пересвета», мне бы хотелось прибавить несколько дополнительных сведений, касающихся памятника погибшим чинам корабля.

Памятник был построен в 1928 г. Много сил положил на это дело инженер Суэцкой Компании Александр Константинович Старицкий, которому много помог главный инженер мастерских Суэцкой Компании г-н Лозанн. Отыскали якорь и куски каната корабля и установили их у подножия реста. Кроме 22 матросов и одного офицера «Пересвета», на том же участке похоронили четырех моряков коммерческого флота СССР, умерших от различных болезней на своих пароходах, при проходе их через Порт-Саид.

Памятник был открыт в июле 1928 г. и освящен настоятелем Каирской Русской православной церкви о. Протоиереем Симеоном Неделько. На освящении и открытии присутствовали губернатор города Порт-Саид, Директор порта, Великобританский, Французский и Итальянский консула, представители русского, французского, английского и итальянского Союзов Комбатантов и представители русских колоний Каира, Александрии и Порт-Саида.

После отъезда А. К. Старицкого в Ниццу, где он и скончался, Французский Союз Комбатантов занимался охраной памятника и, каждый год, 1 ноября на памятник возлагался венок, в присутствии делегата египетского правительства и представителей русской колонии.

В 1949 г., заботами В. Н. Рыжкова, директора компании ЕССО в Порт-Саиде, был произведен ремонт памятника. После событий 1956 года, памятник был заброшен. В 1957 году, советское консульство заинтересовалось его существованием. Крест с могилы был убран и заменен гранитным обелиском, с позолоченной звездой.

В. В. Беллин

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Е. МОЛЛО «ГРЕНАДЕРКИ» В № 51 «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

Статья Е. Молло навела меня на некоторые мысли, которыми захотелось поделиться.

1) Первый эксперимент введения совершенного «национальных» мундиров, ничего общего не имевших со штатскими костюмами эпохи, принадлежит не Потемкину, а шведам в 1779 году. Однако, Потемкинская поясковая каска, по всем признакам, его собственное детище. Потемкин признал треугольную шляпу за убор совершенно негодный, который, по его словам,

«торча концами во все стороны, всегда озабочивает солдата, как-бы его не измять, и совершенно мешает прислонить или положить голову». «Каска, писал Потемкин, делает солдату пригожий вид и есть наряд военный и характеристический.»

Не так благосклонно судил о русских новых формах австрийский император Франц-Иосиф. Вот что он пишет из своего путешествия по Югу России фельдмаршалу Ласси: «мундиры у ней (русской конницы) как у наших улан — короткие, без камзола, безрукавный жилет и суконные шаровары; на головах у них что-то вроде круглой войлочной шапки, с кожаным козырьком, приблизительно, как у наших понтонеров; с этой шапки свешивается вниз короткий клок сукна, а поверх шапки, полукругом, облегает что-то вроде белого лисьего хвоста, который не служит ни в холод, ни в дождь, давит спереди на нос и не защищает от сабельного удара.» («Русский Архив» 1880 г., кн. 1-ая).

Однако, петемкинская каска, в разных вариантах, была скопирована англичанами, датчанами и некоторыми другими военными державами.

Тихон Николаевич Куликовский

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ — И. РУБЕЦ.

(По поводу статьи в № 49 «Военной Были».)

1) 28 мая 1896 г. Императором Вильгельмом II были пожалованы парные ленты на каждое из четырех Георгиевских знамен лейб-гвардии Петербургского полка. Цвет этих лент был желтый. Очень длинная надпись на немецком языке, шитая серебром.

2) Помимо этих лент, на всех знаменах полка были еще, так называемые, «пруссские ленты» красного цвета, шитые золотом. Их тоже было 4 пары, по две на каждое знамя. Пожалованы они были разновременно: 2 июля 1874 г. 1, 2 и 3 батальонам, а 6 августа того-же года — 4 батальону. Видимо, немцы предполагали, что наши полки, как и ихние, трехбатальонного состава, а потом спохватились и дослали 4 батальону.

3) Кроме того, как иностранные отличия, в полку были: полковой марш, написанный нашим первым Шефом Королем Прусским Фридрихом-Вильгельмом III и пожалованный полку, как ПОЛКОВАЯ ЧЕСТЬ, и прусские барабаны, продолговатой формы, числом два, пожалованные тем-же Шефом в 1836 г. Выносились в строй эти барабаны только на смотр и парады, а хранились в полковом музее.

Полковник М. Микулинский

Систематический указатель журнала « Военная Быль »

№№ 31-50

(Окончание)

- Умершему другу (стихи) № 42 май 1960 г.**
стр. 14
- Был-ли полководцем Император Николай II?**
№ 43 июль 1960 г. стр. 1
- Китайцы полстолетия тому назад №№ 43, 46 и 48 1960 гг.**
- Случай с ген. Ивановым № 43 июль 1960 г.**
стр. 25
- Почетный гражданин города Бреста № 43**
июль 1960 г. стр. 25
- Зося № 44 сентябрь 1960 г. стр. 19**
- Немецкая сетра милосердия № 45 ноябрь 1960 г. стр. 20**
- Взгляд Императора Николая I на значение знамен № 45 ноябрь 1960 г. стр.**
- Беспроволочный телеграф № 45 ноябрь 1960 г.**
- Черевищенское предметное укрепление № 46**
1961 г. стр. 14
- Королевская панихида № 47 март 1961 г.**
стр. 29
- Оборона Ахалцыха в 1918 г. № 47 март 1961 г.**
стр. 27
- Заметки и справки:**
- Генерал-майор — генерал-лейтенант № 35**
март 1959 г. стр. 25
- Письмо в редакцию № 35 март 1959 г. стр. 25**
- Гвардейское Экономическое Общество № 36**
май 1959 г. стр. 25
- Лейтенант № 40 январь 1960 г. стр. 21**
- О пробах и пробирных клеймах № 46 1961 г.**
стр. 23
- Интересная справка № 47 март 1961 г. стр. 29**
- Дьячек улан № 47 март 1961 г. стр. 29**
- О вреде алкоголя № 49 июль 1961 г. стр. 46**
- Материалы по библиографии Русской зарубежной печати №№ 49 и 50 июль-сентябрь 1961 г.**
- Формы и знаки отличия:**
- Наши ордена и формы на фарфоре № 36 май 1959 г. стр. 13**
- Кто прав? № 40 январь 1960 г. стр. 21**
- Учреждение орденов в Российском Государстве № 44 сентябрь 1960 г. стр. 14**
- Как заготовлялись ордена и знаки в России № 45 ноябрь 1960 г. стр.**
- Серебряные трубы за взятие Берлина в 1760 г.**
№ 46 январь 1961 г. стр. 22
- Мастера и поставщики орденских знаков Капитулу. № 46 январь 1961 г. стр. 24**
- Знак Отличия Военного Ордена № 47 март 1961 г. стр. 23**
- К статье «Учрежд. орденов в Российском Государстве» № 47 март 1961 г. стр. 31**
- Первые Георгиевские Знамена, Штандарты и трубы № 48 май 1961 г. стр. 11**
- Ордена и знаки отличия гражданской войны № 49 и 50 1961 г. стр.**
- Еще один ориентировочный ценник № 49 июль 1961 г. стр. 36**
- Знаки отличий № 49 июль 1961 г. стр. 38**
- Ленты на знамена № 49 июль 1961 г. стр. 45**
- Серебряные трубы № 49 июль 1961 г. стр. 45**
- Знаки Отличия Военного Ордена № 49 1961 г. стр. 45**
- Знаки отличия за труды по освобождению крестьян № 50 сентябрь 1961 г. стр. 15**
- Польские ордена и знаки отличия в кампанию 1812-13 гг. № 50 сентябрь 1961 г. стр. 37**
- Знамена военно-учебных заведений № 50 сентябрь 1961 г. стр. 41**
- Страница формоведа № 50 сентябрь 1961 г. стр. 46**
- О наградах в Стрелецких полках № 50 сентябрь 1961 г. стр. 46**
- Герои и военные таланты:**
- Князь Кутузов-Смоленский № 33 ноябрь 1958 г. стр. 25**
- Генерал В. Ф. Кирей № 35 март 1959 г. стр. 6**
- Партизан Фигнер № 35 март 1959 г. стр. 24**
- Предки и потомки Генералиссимуса Суворова № 36 май 1959 г. стр. 25**
- Еще о предках Суворова № 39 ноябрь 1959 г. стр. 25**
- Письмо из Швейцарии (Суворов) № 42 май 1960 г. стр. 25**
- Смерть генерала Кондратенко № 44 сентябрь 1960 г. стр. 3**
- Еще о Кульеве № 45 1960 г. стр. 25**
- Кое-что о Скобелеве № 47 март 1961 г. стр. 22**

Е. Л. Янковский

Материалы к библиографии Русской Весной печати за рубежом

(Продолжение)

- ПОКРОВСКИЙ Георгий — Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани. Берлин 1923 г. 280 стр.
- ПОЛОВЦОВ П. — Дни затмения. Записки Главнокомандующего Петроградским Военным Округом в 1917 г. Изд. «Возрождение» 207 стр. 15 фотограф.
- ПОЛОВЦЕВ — Рыцари тернового венца. Изд. 1923 г. 220 стр.
- ПОПОВ Константин Сергеевич, капитан 13 лейб-гренад. Эриванского полка, — Воспоминания кавказского гренадера (1914-1920). Белград 1925 г. 282 стр.
- Лейб-Эриванцы в Великой войне. Материалы для истории полка в обработке полковой исторической комиссии. Париж 1959 г. 250 стр. 10 схем и 30 фотографий
- Господа офицеры. Париж 1929 г. 118 стр.
- Храм Славы. Париж 1951 г. в 2-х томах, 425 стр.
- «Война и мир» и «От двуглавого орла до красного знамени». Изд. Париж 1934 г. 104 стр.
- ПРОНИН, полковник Ген. Штаба — Последние дни Царской Ставки. 88 стр. портреты Импер. Николая II и ген. Алексеева. Изд. Белград 1929 г. 100 экземп. В книге изложены воспоминания о событиях в Ставке 24 февраля — марта 1917 г.
- Крымская война. К столетию обороны Севастополя. Тираж 500 экземп. со схемами и рисунк. Брошюра изд. Сан-Пауло, Бразилия 1954 г.
- Во имя правды о Белом Движении и его вождях. Брошюра Сан-Пауло 1954 г. 66 стр. Тираж 500 экз. Участники: Г. Орлов, К. В. Деникина, Митрополит Анастасий, В. М. Пронин и др.
- ПЯТНИЦКИЙ Н. В. — Красная армия СССР. Вып. I — Красная армия и коммунистич. партия. Лекции I - 3 с 25 сх. 68 стр. Вып. II — 118 стр. Вып. III — 248 стр.
- Пути возрождения России отпечатан на ротаторе. Рецензия на доклад ген. Головина.
- Организация современной пехоты. Под ред. и руков. ген. Н. Н. Головина. (На замену стр. 114 — 128 труда ген. Головина «Мысли об устройстве будущей русской вооруженной силы»). Париж, тип. ВАЛЬ, 24 стр.
- РАКОВСКИЙ Г. Н. — В стане белых. (От Орла до Новороссийска). Константинополь 1920 г. 340 стр. с картой.
- Конец белых. (От Днепра до Босфора). Вырождение, агония и ликвидация. Прага 1921 г. 275 стр.
- «ГЕНЕРАЛ РЕННЕНКАМПФ» — сборник ему посвященный. Издание об-ва Друзей Ренненкампфа. 22 стр. без переп. малого формата с приложением списка комитета Общества. Напечатано в Дижоне (Франция), год не указан.
- РИМСКИЙ-КОРСАКОВ М. М. контр-адмирал — Морской Устав ч. II — о боевой деятельности флота. Проект Прага 1928 г. 15 стр. цена 10 amer. цен. Отдельный оттиск из «Морского Журнала».
- ФОН-РИХТЕР, Владимир Гвидович — Медальные курьезы войны 1904-05 г.г. Статья № 10 «Журнала Историч. Комиссии Об-ва быв. Русск. морских офиц. в Америке» 2 марта 1949 г. 1 таблица с 6 изображ: медалей.
- Нумизматич. памятники Восточной войны 1853-56 г.г.
- Одна из медальных «Россики» Великобритании две статьи в «Морских Записках» 1946 г.
- Вольные и невольные ошибки в русской медалистике, статья в «Русской Военной Старине».
- Статьи по военной медалистике в журнале «Военно-Исторический Вестник» №№ 3, 4, 5, 6 и 11.
- Статьи на военно-исторические и медальные темы в журнале «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», почти вов сех номерах, начиная с № 1 и по сей день.
- «Русская военная медалистика» большая статья с цриложением таблиц в №№ 9-14 журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ».
- Забытый наградной знак для ношения (об Сполченском кресте 1855 № 56 гг.) статья в газете «Русская Мысль» № 409 от 28 декабря 1951 г.
- Золотой знак за Прейсиш-Эйлау — статья была напечатана
- РОДЗЯНКО Александр, полковник Кавалергардского полка — Воспоминания о Северо-Западной армии, изд. Берлин, май 1920 г. 167 стр.
- Барон РОЗЕН — Светлой памяти Августейшего Шефа, Париж 1929 г. Типография Франко-Слав. Изд. Кавалергардской Семьи.
- «РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ», брошюра в 47 стр., изд. Южно-Американского Отдела Института по исследованию войны и мира

имени ген. Головина. Буэнос-Айрес, 1959 г. Участвовали: Е. Мейснер, С. Вакар, В. Гранитов, С. Каширин, А. Петрашевич, М. Рожченко, В. Цешке. В. Шайдицкий и И. Эйханбаум.

Николай РОТШТЕЙН — синю дали. Из военной были. Изд. «Русская Книга», Таллин 1938 г. 142 стр.

Граф Де-РОШФОР Конст. Никол. — Очаг Русского просвещения — Первый кадетский корпус. Статья в «Часовом» пять страниц.

— Еще один из стаи славной. Статья в три страницы в том-же номере.

— Августейший кадет Первого кадетского корпуса. Брошюра в 4 стр. — доклад, прочитанный 17 декабря 1933 г. Приложение: Воспоминания о Первом к. к. Принца Александра Петровича Ольденбургского.

— Первый кадетский корпус — колыбель Российского театра и бывший кадет Сумароков — первый русский драматург 18 стр. Париж 1931 г.

— Первый Георгиевский кавалер 1-й степени бывший кадет Первого кадетского корпуса Фельдмаршала граф Румянцев-Задунайский. 1732-1932, 4 стр. Париж 1931 г.

— К двухсотлетию Указа Императрицы Анны об учреждении Первого кадетского корпуса. Париж. Изд. «Часового» 4 стр. с фотогр.

— Первый кадетский корпус. Юбилейный доклад в 1932 г. 16 стр. с рисунками Знамени и погон.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ УНТЕР-ОФИЦЕРОВ, часть II — Кавалерия. Изд. «Часового», Париж год не указан. 118 стр.

РУСАНОВ, Ф. В. полковник — Историческая памятка лейб-гвардии Гренадерского полка, I-я Мировая война (12 фотогр.).

«РУССКАЯ ВОЕННАЯ СТАРИНА». Сборник Первый (и единственный). Париж 1947 г. Издание Кружка Любителей Русской Военной Старины». Обложка работы А. Б. Серебрякова, 96 стр. Издание «люкс». Тираж 500 нумерованных экземпляров, в настоящее время все распроданы. Участники: Г. М. Дестрем, А. А. Попов, Н. Н. Туровцов, А. К. Савицкий, П. В. Пашков, В. Г. фон-Рихтер, Г. А. Топорков и А. А. Керновский.

«РУССКИЕ В ГАЛИПОЛИ» — Сборник 18 авторов. Изд. Берлин 1923 г. 496 стр. Сборник посвящен пребыванию I армейского корпуса в Галиполи. Заставки, виньетки, многочисл. иллюстр. и портрет ген. Врангеля. Редакционная Коллегия: Г. В. Волошин, В. К. Миронович, В. В. Полянский, И. С. Савченко, В. В. Соханеев и С. М. Шевяков.

«РУССКИЙ ВОЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТКА» на 1929 год. Изд. 1 и 2-е Железнодорожного батальона Русской Армии. Типогр. «Паскаль». Париж, 160 стр. малого формата.

«РУССКИЙ ГОЛОС» — национальная, общественная и военная газета. Представитель Издательской группы и редактор В. М. Пронин. Издавалась в Белграде в количестве 1500-2000 экз. Основана в 1930 г. при материальной поддержке РОВС-а и Государственной Комиссии. № 1 вышел из печати 13 апреля 1930 г. Первые годы в состав редакции входил ген. В. Н. Полтавцев. Гомещались статьи из эпохи I-й Мировой войны и Белого Движения.

«РУССКИЙ ИНВАЛИД» — ежемесячная военно-научная и литературная газета, изд. с 21 февраля 1930 г. в Париже. Издание Главного Правления Союза Русских Военных Инвалидов. Склад издания: 160, рю де Пари, Булонь с/С. Главный редактор ген. Баратов. Помощник — ген. Головин. Секретарь редакции шт. кап. Попов а затем полк. А. М. Зайцов. №№ 1-22 1930 г. ежемесячно с 17 17 апреля 1931 г. — двухнедельный и меньшего формата. Вышло по 5 июня 1940 года — 133 номера. Затем с мая 1960 года он начал выходить каждый год и последний номер 136 вышел в мае 1962 года под ред. ген. С. Д. Поздышева.

РЫТЧЕНКО С. полковник — 259 дней Лемносского сидения. Изд. Париж 1933 г. 152 стр.

РЯСНИАНСКИЙ Сергей Никол., полковник. Ген. Штаба — 10 гусар. Ингерманландский полк 1704 № 1954. Изд. Нью-Йорк, 30 стр.

— Русско-японская война — Ехархиаль. изд.-во Нью-Йорк 1954 г. Библиотека Русского духовного возрождения. Серия №. Вып. 2, 127 стр. малоог формата.

— Императорская Николаевская Академия Генерального Штаба. Краткий историч. очерк, 164 стр.

— Русская армия перед революцией 1917 г. Изд. 1956 г.

САРНАВСКИЙ И. Л. штабс-ротмистр — Участие Белгородских улан в Гражданской войне 1917-1920 по запискам полковника А. Байдака. Белград 1931 г. стр.

САХАРОВ К. В. ген.-лейтен. — Чешские легионы в Сибири. Изд. Берлин 1930 г. 136 стр. с рис.

— Белая Сибирь. Изд. Мюнхен 1923 г. 324 стр.

Флигель-адъютант В. В. СВЕЧИН — Светлой памяти Императора Великомученика Николая II. Изд. 1933 г. Париж 31 стр. на правах рукописи.

(Продолжение следует)

Алексей Геринг

Принимается подписка на 1962 года на ежемесячную военно-национальную газету

«ВЕСТНИК»

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. Геринга
Двенадцатый год издания

Подписка принимается по адресу редакции: 61, rue Шардон-Лагаш, Париж 16 а также у всех представителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и «ВЕСТНИКА»

Подписная цена с пересылкой на год: 7 нов. фр. в странах заокеанских — 2 дол. 40 ц.

Почтовый Счет «Le Passé Militaire» 3910 - 12 Париж

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon - Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren, Bruxelles.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 19, Warwick Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у В. А. Высоцкого, 410, Rivercide Drive Ap. 103 A. New-York 25. б) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, в) у С. А. Кашкина — P.O. Box 68, Bellerose 26, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N.S.W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai Ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венесуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Т. Бордокова, Zapiola 4192 Buenos - Aires, Argentina.

Литературно-политические тетради

«ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Независимый орган национальной мысли.

37-й год издания.

Адрес редакции:
73, Avenue des Champs Elysées, Paris 8e.

«МОРСКИЕ ЗАПИСКИ»

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам №1/2(56)
т. XX 1962 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.
Представитель на Францию:
В. И. Яковлев, 5 bis, rue de Tourville,
St. Germain en Laye (S. et O.)

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Г. А. ДЖУДЖИЕВА

«LE MAGASIN DU LIVRE»

10, rue des Carmes, Paris 5^e

ПРОДАЕТ НАШИ ЖУРНАЛЫ И ПРИ-
НИМАЕТ ПОДПИСКУ НА ВСЕ ИЗДА-
НИЯ «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

СБОРНИК ПАМЯТИ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА
ПОЭТА К. Р.

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ОБЩЕ-КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Продается в Конторе Издательства 61, рю Шардон-Лагаш, Париж 16.

Цена — 21 нов. фр., страны заокеанские — 5 амер. долл.

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ
КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ
ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

История лейб-гвардии Конного полка —
300 нов. фр.

К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой
войне — 25 нов. фр.

А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера —
20 нов. фр.

Финляндские драгуны — 20 нов. фр.

Генерал А. А. фон-ЛАМПЕ — Пути верных
— 16 нов. фр.

Контр-адмирал ТИМИРЕВ — Воспоминания
морского офицера — 15 нов. фр.

Генерал-майор А. И. СПИРИДОВИЧ — Ве-
ликкая война и февральская
революция, в 3-х томах — 90 нов. фр.

Г. В. МЕСНЯЕВ — За гранью прошлых дней
— 12 нов. фр.

Г. И. ИШЕВСКИЙ — Честь — 8 нов. фр.

Князь П. П. ИШЕЕВ — Очерки прошлого —
7 нов. фр. 50 сант.

П. В. ПАШКОВ — Ордена и знаки отличия
гражданской войны — 6 нов. фр.

ЮРИЙ СЛЕЗКИН — Две семьи — 5 нов. фр.

БУЛГАКОВ — Русский и герм. воен. мир о
творчестве К. С. Попова — 4 нов. фр.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — 1918 г. в Дагестане —
8 нов. фр. 50 сант.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — В угоду Сталину, том
II — 11 нов. фр. 50 сант.

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

В. В. Звегинцов

Хронология Русской армии
1700-1917 часть II

Хронологические указатели всех пехот-
ных, кавалерийских и казачьих частей, в
порядке основания их, с названиями ко-
торые часть, последовательно, носила и
ее судьбой.

Тетрадь 25 x 32 сантим. 174 стр. на ро-
таторе. Цена с пересылкой — 42 нов. фр.
или 8 ам. дол. 50 ц.

Имеется еще некоторое количество эк-
земпляров части I — формирование, пере-
именование и расформирование всех ча-
стей Русской Армии, расположенные по
царствованиям и родам оружия. Тетрадь
25 x 32 сантим. 240 стр. та-же цена.

Формы Русской армии 1914 г. тетрадь
— 132 стр. текста и 120 таблиц для рас-
крашивания. Цена тетради и таблиц —
110 нов. фр. или 23 америк. долл.